

Б И Б Л И О Т Е К А

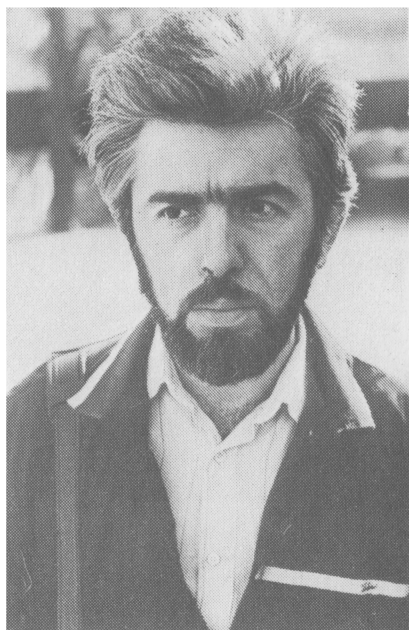
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 19

1990

Михаил КОРЧАГИН

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

**О Б Ж А Л О В А Н И Ю
Н Е П О Д Л Е Ж И Т...**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 19

Издается с января 1925 года

Михаил КОРЧАГИН

ОБЖАЛОВАНИЮ
НЕ
ПОДЛЕЖИТ...

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Михаил КОРЧАГИН

Михаил Борисович Корчагин родился 15 октября 1953 года. Служил в погранвойсках на советско-китайской границе. Работал фрезеровщиком на московском заводе «Сатурн». После окончания факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова работал разъездным корреспондентом в редакциях журнала «Крокодил» и газеты «Комсомольская правда». В данный момент является специальным корреспондентом журнала «Огонек».

Член Союза журналистов СССР. Лауреат двух премий журнала «Огонек» за 1986 и 1989 годы.

КАНДИДАТ В ПОДСУДИМЫЕ

Обыск не дал ничего.

— Пусто... — раздосадованно вздохнул глава опергруппы и швырнул перелистанную книгу на пол. Перепуганные малыши Иракли и Марико, вцепившись в материнский подол, разглядывали дядей в милицейской форме. А дяди перетрясали пододеяльники, увлеченно «штудировали» сочинения классиков и, затаив дыхание, запускали пальцы в крупу. «Гости» искали бабушкино золото.

Золото не нашли, но бабушки в доме больше не стало...

О чем мечтал «доброжелатель»

Ее арестовали в тот же день. Прямо на улице. И в жизни Нателы Александровны Цикаришвили резко обозначилась глубокая трещина, разросшаяся до размеров пропасти. По ту сторону — прожитая жизнь, по эту — 14 долгих лет колонии. Когда выйдет на свободу, будет под 70. Начинать заново поздно. В прошлом — 54 года безупречной биографии. И базары... Десять шумных базаров с оранжевыми пирамидами мандаринов, опьяняющими запахами солений и отрезвляющими ценами.

Рыночная эта экзотика и «досталась» ей, когда возложили на нее руководство рынками города. Далеко не новостью было для нее то, что творилось за мандариновыми насыпями, где шла неравная борьба за прибыльный квадрат прилавка. Труженики-селяне в итоге оттеснялись спекулянтами, обирались работниками рынка. Этим, последним, и объявила она войну.

...«Доброжелатель» же не заставил себя долго ждать: в первом своем писании обвинил во взятке — 30 000 рублей.

До уличного ареста оставалось два месяца...

Посетила анонимка и редакцию. Сумма взятки на этот раз подскочила до 92 300 рублей. «Хотим, чтоб о преступнице знали читатели «Огонька», — требовали авторы скромного творения. — Срочно присылайте корреспондента!» И творение, согласно вышедшему постановлению о подметных письмах, полетело бы в корзину, если бы не одно приложение к нему — статья из местной газеты, где жирным петитом выделялись строчки: «На протяжении длительного времени Н. Цика-

ришвили открыто попирала закон, вступала в преступные связи с подчиненными, занималась взяточничеством, вымогательством).

В силу убедительности газетного приложения анонимка внушала доверие, и я срочно вылетел в Тбилиси...

Причем вылетел не раздумывая. Шутка ли сказать: на скамье более 30 (!) раскаявшихся взятодателей. Вместе с избобличенной преступницей. Впрочем, не столько интересовала последняя, сколько сами взятодатели, на редкость дружно заявившие о своих же преступлениях. Чем не устраивала их сладкая базарная жизнь, которую сознательно меняли они на тюремную баланду? Неужели разбуженная совесть и — как следствие — покаяние? Ведь за руку-то никто не ловил. Эти и множество других вопросов просились в блокнот, когда подлетал я к городу Тбилиси, в котором инкогнито поджидал меня таинственный адресат...

Миллион за улыбку

Замысловатость сюжета, замешенного на сюрпризах судьбы, надеялся увидеть я в этой на шумевшей уголовной истории. Но сюжет был на редкость банален и прост: давали — брала. Одни несли ежемесячно, дабы задобрить Цикаришвили и не быть уволенными с работы. Платили за благорасположение. Проще говоря, за улыбку, вызываемую хрустом многотысячных купюр.

«Улыбка» Цикаришвили в конце концов обошлась им в 51800 рублей. Остальную сумму выплачивали «оптом» за устройство на должность рядового кассира, кладовщика, контролера. Причем первыми руководил просто-таки панический страх.

Из приговора суда: «Они боялись, что Цикаришвили уволит с работы по какой-либо причине, и каждый из них приносил ежемесячно по 100 рублей».

Читателю для справки: ежемесячная зарплата кассиров, контролеров, весовщиков 75—80 рублей.

Платили 100, чтобы получать 75—80?.. А как жили без зарплаты? Где же выгода, без которой просто немыслимо такое преступление, как взятка? За что выплачивалась убыточная взятка?

Чуть позже я нашел возможность встретиться с некоторыми из них, озадачивая каждого этим вопросом.

— Работая на рынке, мы получали от крестьян фрукты, сыр... Поэтому не покидали рынок... — отвечали они, потупя взор.

Но только ли сочные дары крестьян манили их? Некоторые из них бесстрастно пояснили суду, что, кроме этого, брали с торговцев и «мелочь». Нетрудно представить размеры такой «мелочи», если с ее помощью оплачивались недостающие до взяток 20—25 рублей, содержались семьи.

Признавших факт денежных поборов было всего несколько. Но какая уникальная перспектива открывалась тогда органам для вскрытия це-

лого пласта рыночной жизни, неведомой постороннему глазу! Именно на суде случайно приподнимался запретный занавес всех рынков города. Появилась редкая возможность заглянуть за кулисы прилавков с мандариновыми насыпями.

Но ни суд, ни следствие будто и не замечали вышеупомянутых признаний. Словно замороженные, шли они одним «курсом», прорабатывали якобы единственно возможную версию: «Цикаришвили — взяточница». Но масса существующих методик упорно твердит следователю об опасности одновersionности при расследовании. Следствие в данном случае словно опасалось всего «лишнего», что выходило бы за границы данной версии. Оно не делало ни шагу в сторону. Только поэтому, основываясь на материалах дела, я и решаюсь на этот недостающий следствию шаг.

Именем Цикаришвили

«По базару ходили слухи...» — именно эту фразу случайно встретил я в приговоре. Впрочем, они действительно ходили, нелепые и вздорные, обо всем и ни о чем. Но одно дело, когда слухи эти «прогуливаются» по базару, и совсем другое, когда ложатся в основу приговора, — эту святая святых нашего правосудия: «По базару ходили слухи, что, если кто-то не даст Цикаришвили денег, того она не будет держать на работе...» Значит, хватило одних слухов, чтобы ежемесячно, в течение двух лет выкладывать алчной Цикаришвили по 100 рублей?

Попробуем представить, как происходило вручение этой сотни, то есть саму структуру дачи взятки. Если верить следствию, у кабинета взяточницы в день зарплаты должна была образовываться длинная очередь. Это, согласитесь, исключено. А может, глава объединения ходила по базарам и, страдая пугливых кладовщиков незаконным увольнением, собирала дань? Впрочем, не будем гадать. Лучше проследим простой путь, по которому «передвигались» взятки: «Работники — директора — Цикаришвили».

Возьмем звено первое: «работники — директора». Чем крепится это звено? Если верить приговору, слухами и ничем иным... Причем малая часть работников верила только им, основная же прислушивалась исключительно к директорам. А последние нашептывали примерно одно и то же: «Эта Цикаришвили обязательно вас уволит... Если, конечно, вы не дадите ей на лапу...» То есть именем ужасной Цикаришвили требовали взятки. И результат не заставил себя долго ждать — перепуганные подчиненные несли директорам деньги. «Я каждый месяц приносил своему директору деньги для Цикаришвили», — показывают они.

Если, конечно, верить приговору, то честные директора чинно несли ей сии тысячи, не заимствуя из них ни копейки. А вот несли или нет — загадка. Хотя взяткодатели сами вручали ключ к разгадке: «Я не присутствовал в тот момент, когда директор Кобалава передавала наши

деньги Цикаришвили. При фактах передачи денег Цикаришвили директором Хоргуани я не присутствовал, но она нам говорила, что относилась целиком».

А «относила» ли? Ни следствие, ни суд так и не заинтересовались этим вопросом, неизменно придерживаясь одной, якобы единственно возможной версии: «Цикаришвили — взяточница».

Откровения с того света

Не обошлось в материалах дела и без мертвых душ. В данном уголовном эпосе ими были некто К. Керимов и Р. Саркисян, давшие более 4000 рублей. Честно говоря, не хватало буйства фантазии, чтобы представить их сокровенную беседу со следователем О. Тортладзе. Дело в том, что и К. Керимов и Р. Саркисян еще задолго до описываемых событий... умерли. Не берусь судить, которым из методов медитации пользовался следователь, чтобы вызвать духи этих «взятодателей». Результат налицо: разоткровенничавшиеся усопшие «не только признали факт совершения преступления — дачу взятки Цикаришвили, но и изобразили... пояснили». Выходит, и их грозились уволить она?

Но поговорим о живых. Интересно, кого из последних вообще могла уволить (и уволила ли) она, если согласно приказу управления торговли «Директор рынка обязана... распоряжаться средствами рынка... принимать работников и увольнять». Директор рынка, а не Цикаришвили или сам министр торговли.

Нашлись в материалах следствия и «мертвые души» несколько иного ранга. Их было четверо: работники рынка Шахвердов, Чарквиани, Пруидзе и Чангоян. Эти, к счастью, ходили по грешной нашей земле. Но именно такой прекрасной возможностью пообщаться со «взятодателями» следователь почему-то так и не воспользовался. Не опросил он и других рыночных работников. Будто опасался, как бы не «наговорили» чего лишнего, что выходило бы за пределы единственной версии.

И чем больше знакомился с данным делом, тем оно больше представлялось неким карточным домиком, непонятно почему удержавшимся. Один за другим «рушились» эпизоды вручения взятки. Любопытным казалось и ритуал вручения денег «взятодателем» Пурцеладзе. Сей ритуал он совершает у выхода с базара, на виду у сотен людей. А многоопытная взяточница прилюдно запикивает трехтысячный веер купюр в дамскую сумочку.

По мере же ознакомления с разноречивыми показаниями живых и «свидетельствами» усопших навязчивее становился вопрос:

А был ли ларчик?

Тот самый потаенный ларчик с 92300 рублями. Были ли вообще те десятки тысяч купюр? Где их фактическое наличие? Хотя последнее, ес-

ли верить той, единственной версии, можно было иметь уже в день ареста. Даже не устраивая при этом обыска в двух квартирах (ее и сына). Что стоило, например, оперативникам вручить дружно заявившим взяткодателям меченые червонцы? И пусть бы несли они Цикаришвили ежемесячно требуемые суммы. Никакая матерая взяточница не отвертелась бы от принятого «подарка». Неопровержимые доказательства были бы налицо. Доказательства, а не базарные слухи.

Но не спешат почему-то со своими испытанными методами местные пинкертонь: первое «разоблачительное» заявление недопустимо лежит под сукном 21 день. В то время как основная задача органов — пресечение. Где хваленые оперативность, смекалка? Чего ждала группа задержания? Может, того всеобщего покаяния? А так оно и случилось — некоторые заявления в конце концов организовано приходят в один день, даже час.

Но так ли уж бездействовали слуги закона накануне ареста?

Из показаний бывшего работника рынка, свидетеля Мхеидзе, на суде: «Заявление написано мною, но мысли в нем чужие. Чужая мысль, что Цикаришвили понуждала нас к даче взятки. Написание этого заявления произошло в МВД. Над головой стояло 5 человек. Я не собирался писать заявление, меня вынудили... Когда на базар меня вызвала директор, я пришел. Там ждал сотрудник милиции, который отвез меня в МВД. Это было 8 февраля (за 4 дня до ареста. — М. К.). Спросили, давал ли я Цикаришвили деньги. Я сказал, что нет. Но заставили написать. Второй раз привели в МВД 12 февраля и снова спросили: давал ли деньги? Я сказал — нет. Но заставили написать то, что диктовали».

А это выписки из показаний бывшего работника рынка Ментешашвили на суде: «У следователя был заранее написанный образец, который он положил передо мной, и я переписал... Меня вынудили писать фамилию Цикаришвили, и я написал».

Невольно начинаешь приходить к выводу, что «разоблачение» Цикаришвили началось еще до ареста. Кто же гарантировал оговорщикам неприкосновенность? Вот что говорят по этому поводу некоторые из оговорщиков: «Я узнал, что не накажут, если заявлю добровольно», «объяснили, что не накажут» и т. п.

Значит, кто-то «объяснил», от кого-то «узнали». Может, от того же «доброжелателя», запустившего свои анонимки сразу в две прокуратуры незадолго до ареста? С этих-то посланий все и началось. Впрочем, только ли с них.. Уже не случайными кажутся сегодня строки, написанные Цикаришвили. «...Вчера во время совещания, где я всем в лицо сказала правду, один из совещающихся отвел меня в сторону и недвусмысленно сказал: «Этот характер и излишняя прямота погубят тебя. Начнут тебя проверять, приставят людей и «раздавят»...

Ведь еще за три месяца до ареста «Известия» в статье «Перемены за прилавком» писали о воинствующей Цикаришвили:

«...В городском объединении колхозной торговли сменился начальник. Рынками «командует» теперь Натела Цикаришвили... За несколько месяцев, что идет эксперимент, уволилось более половины работников... Многие со стажем до 30 лет. Ушли, убедившись, что не будет возврата к прежним порядкам, когда можно было «вымогать» за место, за весы, а то и просто так рубли да трешки с торгующих...»

А через три месяца Цикаришвили арестовали...

Приговоренные к помилованию

Кто же эти покаявшиеся? Поднимаю служебную документацию Цикаришвили и вдруг нахожу ФИО покаявшихся в списках проштрафившихся. Одна из них — директор рынка З. Кобалава, на увольнении которой настаивала Цикаришвили, издав на этот счет приказы. Именно после кобалавского заявления в органы послушно заявили еще 9 ее подчиненных. Хотя на рынке работает 70.

Сверяю заявления. Удивительно схожи некоторые из них. Будто продиктованы одним человеком. Сличаю даты их подачи — и снова совпадения. Одно из них: работники двух разных рынков, находящихся в разных концах города, в одни и те же дни, часы (!) являются в органы, и происходит повальное покаятие.

Невольно возникало ощущение оговора. Организованного оговора воинствующей Цикаришвили. «Мы все договорились обо всем заявить», — случайно проговаривается на суде Агдамян.

Впрочем, оговор — это только версия. Тогда что мешало следствию отработать и эту версию? Может, опасалось за тот карточный домик, который рухнул бы недостроенным?

Допустим, версия с оговором верна. Но, оговаривая Цикаришвили, калеча ее судьбу, они сознательно ставили под удар и себя. Взять хотя бы тех пятерых организаторов взятки. Эти-то в отличие от прочих проходили по делу сразу по двум статьям УК (посредничество во взятке плюс ее дача). Судьба этой пятерки и интересовала меня, когда прибыл я в Грузию.

Где, как и в какой из колоний протекала их жизнь теперь? Не сожалеют ли о том покаянии? Может, не осознавали тогда, что кара придет неминуемо? Ведь за одно только посредничество во взятках им грозил срок более 7 лет... И это неудивительно: без их оргспособностей преступление было бы невозможно.

Именно так наивно рассуждал я, когда стал наводить справки о местах их заключения. Но рассуждал так, пока в стенах прокуратуры не был ознакомлен с одним документом, по своей юридической сути не имеющим себе равных. То было постановление прокуратуры, под казусными строчками которого не решается подписаться озадаченный зам. прокурора М. Курдадзе:

«...После совершения преступления... ни один из них уже не работает на занимаемых должностях и уже не имеет возможности совершать аналогичные преступления; они потеряли общественно опасный характер, и... в отношении их возможно прекратить уголовное дело ввиду изменения обстоятельств».

А что, собственно, изменилось? Закон? Сомневаюсь. Как раньше, так и теперь за подобные грехи срок лишения свободы колеблется от 7 до 15 лет. Тогда что же? Ну, представим на минутку, что они, если верить постановлению, больше не преступники. То есть из общественно опасных перешли в категорию общественно полезных, так как никто из них «уже не работает на занимаемых должностях». Но ведь и Цикаришвили, будучи «трудоустроенной» судьей на 14 лет в швейный цех женской колонии, тоже «не работает на занимаемой должности». И она «уже не имеет возможности совершать аналогичные преступления». Тогда даруйте свободу и ей. В противном случае усаживайте на скамью подсудимых каждого, кто это заслужил. Закон для всех един.

Взяткодателей словно оберегают от этой скамьи. Им сразу даруют свободу, а дело так и не передают в суд. Их даже не наказывают по партийной линии. И это несмотря на то, что коммунисты «признали совершенные ими преступления в подстрекательстве к даче взятки и посредничестве».

Откуда такие привилегии? Хочешь или не хочешь, но невольно приходишь к выводу, что еще до ее ареста кто-то уже гарантировал им неприкосновенность, амнистируя заведомо...

Что скажет «батону»

Листаю уголовное дело и вдруг неожиданно для себя встречаю одне противоречивое признание, данное Цикаришвили после трех месяцев отрицания вины. Перечитываю и не верю глазам: Цикаришвили признает, что взяла 25 000 рублей. Значит, виновата? Значит, откровенны взятокдатели, правы анонимщики и верны по своей сути публикации в местных газетах. Впрочем, решив не торопиться с выводами, именно эти публикации я и перечитал.

Гражданский пафос и отрицательный образ взяточницы, которая «без устали стригла купоны», — все присутствовало в них. Иными словами, во всей Грузии сложилось твердое, непоколебимое общественное мнение: Цикаришвили — отъявленная взяточница. И сегодня вряд ли стал бы я вспоминать те газетные информации, если бы не дни, когда публиковались некоторые из них.

Это были те самые дни, когда лишь шло следствие по делу и не было доказано ни единого рубля взятки. А несколько газет республики огромными тиражами информировали: «Цикаришвили получала взятки от директоров базаров» и т. д. и т. п. Говорилось об этом и теперь уже

бывшим первым секретарем ЦК КПСС Патиашвили с трибуны II пленума ЦК КП республики в самый разгар следствия.

Трудно представить чувства рядового следователя, попавшего под такой пресс, когда не ломилась от веских доказательств папка, когда уже безрезультатными оказываются оба обыска, когда арестованная не сознается в том, в чем ее обвиняют. Идти наперекор общественному мнению отважился бы не каждый. Смелчаков не оказалось. По сути дела, подследственная автоматически становится кандидатом в подсудимые. Следователь Тортладзе берется доказывать недоказуемое. С этим намерением он и переступил порог камеры СИЗО КГБ...

Из акта судебно-психиатрической экспертизы: «В изоляции периодически возникает устрашающее чувство удушья в виде «кома в горле»... После перенесения травмы черепа постоянно ощущает страх закрытого помещения, периодическое чувство нехватки воздуха... Жалобы на чувство удушья и боли в области сердца».

В таком состоянии и застал он больную женщину, для которой каждый прожитый день «в изоляции» был настоящей пыткой.

Из заключительного слова Цикаришвили на суде: «Он убеждал меня, что хочет мне помочь, что меня не выпустят, если я не признаю эпизод с большой суммой денег — это придаст достоверность моим показаниям. Мотивировал это тем, что об этом же мне просили передать руководителя, члены семьи, чтобы я доверилась ему, и он мне поможет...»

Именно к членам ее семьи и вошел в доверие следователь, надев маску друга. В чем огромную роль сыграло то, что он стал неофициальным почтальоном между обеими сторонами. А в каждом письме делалась крохотная, но важная для «почтальона» приписка: «...Послушайся следователя батоно Олега», «...Отар! Раинди! Тамрико! Слушайте во всем Олега. Он мой покровитель». Доставить письма из следственного изолятора КГБ мог только он.

И хлопоты воздвиглись сторицей. Что не смог предыдущий следователь О. Джапаридзе (факт смены которого труднообъясним), смог «батоно» Олег.

Впрочем, одного признания было мало. Не хватало улики, подтверждающей взятку. Понадобились наличные, якобы добровольно внесенные преступницей. Батоно требовал сумму победительнее. А откуда ей взяться? Ведь единственная крупная сумма их семьи была на сберкнижке ее внуков, осиротевших после гибели мужа ее дочери. В дни похорон родственники собрали для сирот 12 тысяч, положив их на сберкнижку. До дня их совершеннолетия эта сумма оставалась бы неприкосновенной, если бы не письмо, написанное Цикаришвили и переданное через «батоно».

«Олег скажет вам все... Без этого меня не выпустят... Делайте, как скажет он... Прости меня, Тамрико. Прошу тебя снять деньги со сберкнижки твоих сирот. Сынок Гия! Прости и ты. Но попроси своего тестя,

чтобы дал недостающую часть. Остальное одолжите, у кого возможно. Иначе мне не вырваться отсюда. А вырвусь, докажу правду... Слушайте во всем батоно Олега!»

И они слушали. А когда в сберкассе приключилась заминка — не выдавали сумму — родня обращается к «покровителю».

— Поймите же вы, — просит покровитель и. о. зав. центральной сберкассы Кавтарадзе. — Деньги нужны срочно, до 17.00. Решается судьба одной честной женщины... Прошу вас...

И судьба решилась. Приговор был на 32 листах...

Конец царствования Цикаришвили

Не стану описывать заседания суда, во время которых подсудимая, продолжая отрицать недоказанную вину, пыталась пояснить, как следователь вырвал из нее лжепризнание. У почтенного суда это так и не вызвало интереса. Отмечу лишь, что допрашивалась она при стенокардии, в состоянии гипертонического криза и, к счастью, осталась жива. Что же касается остальных персонажей этой истории, то последние дружно роняли крупную слезу раскаяния и спешили на прежнюю работу — где недавно вершили свои преступные дела. Туда же поспешил и я...

Это был двухэтажный Центральный рынок — крупнейший у нас в стране. Там и надеялся услышать я о переменах к лучшему. О том, например, что исчезли с рынка спекулянты, о падении цен. Как-никак, а рыночная торговля навсегда избавилась от главного носителя зла — Цикаришвили.

— Перемены есть, — услышал я в Первомайском РОВД. — Количество спекулянтов возросло... Растут и цены...

И мне невольно вспомнилась строчка из процитированной выше статьи «Известий»: «Цены на рынках Тбилиси понизились!» Это был период «царствования» той самой Цикаришвили.

То, что выкорчевывала негодная Цикаришвили вчера, сегодня произрастало с не меньшей силой. Отменили на рынках и справки, по которым можно определить, имеет ли продавец фруктов свой сад. Если нет, значит, фрукты перекупленные. Никак не определить теперь, кто за прилавком — труженик-крестьянин или спекулянт. Впрочем, это вряд ли имеет теперь какое-нибудь значение. Особенно для тех, кто, устранив с дороги Цикаришвили, безнаказанно вернулся к доходным квадратам прилавков.

В тени закона

Это было пылкое послание из солнечного Тбилиси. «Мы возмущены действиями корреспондента М. Корчагина...» — так начиналась жалоба, пришедшая на меня.

Впрочем, не привыкать нам, журналистам, к этому жанру творчества наших отрицательных героев. Им не откажешь в оперативности. Еще не опубликовано ни строчки, а из потревоженного «гнезда» уже выпархивают в инстанции почтовые «голуби». Только бы помешать публикации, вылив на разоблачителя ушат грязи...

Контрмеры на сей раз предпринимали директора, хорошо понимавшие, что лишь благодаря юридическому чуду остались на свободе. О чем же можно написать после десятиминутной, вполне конкретной беседы? О многом. Из послания явствовало, что за 10 минут я успел: «...нарушить их гражданские права... .. горько оскорбить их личность... учинить им допрос в злопахательской форме, со злобой, заявляя грубо в лицо».

А что, например, стоило им же, дружно заявив в прокуратуру, написать, что корреспондент грубо вымогал взятку, пугая опубликованием фельетона... А они, мол, испугавшись, вынуждены были дать... И сделать это добровольно!

И я не уверен, что после этого мною не заинтересовались бы органы, а мой дом согласно дружно поданным заявлениям не перевернули бы вверх дном. Нет уверенности и в том, что вышеописанная история не повторяется ныне где-то в любом другом городе. Потому что безумно прост сегодня механизм сговора. Но нет, увы, механизма защиты. Да и как ему быть, если сохраняется пока в УК одна удобная для оговорщика лазейка:

«Лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, ...если это лицо после дачи взятки **добровольно** заявило о случившемся. Это примечание к статье УК «Дача взятки».

Но ведь так можно оговорить любого, свести счеты с каждым, оставшись при этом в тени закона. Особенно если за «дело» взяться сообща. Ведь достаточно заявить «добровольно». И вот заявление в прокуратуре. Над ним уже энергично корпит следователь, один за другим являются на допрос «взятодатели». Иными словами, запущена в ход машина следствия. И нет гарантии, что она остановится, что следователь не будет обуреваем огромным желанием «раскрыть» преступление века, возвеличив себя в глазах рядовых современников. Не об одном таком «разоблачении» помним мы сегодня.

Это и громкое одесское дело начальника городского ОБХСС А. Малышева, арестованного за получение эфемерных тысяч рублей. Это и шумное московское дельце оговоренного проректора ВЮЗИ Н. Кондратенко, когда заявления тоже писались с гарантией на заочное помилование оговорщиков. О них писалось в очерках «Литературки» «Шторм после шторма» и «Тайна следствия». Это и «404 дня» зам. начальника Главного управления Минплodхоза РСФСР «взяточницы» Л. Леоновой, коротавшей эти дни в Горьковском СИЗО («Огонек», № 51, 1987 год), и 669 дней А. Чуфирина, бывшего начальника Главкурортторга Минторга РСФСР, полностью оправданного Верховным судом СССР. И сколько

еще таких вот «преступлений» века предстоит описывать нам, журналистам, пока оговор остается явлением, клеветник — в тени закона, а «презумпция невиновности» — набором пустых звуков, слетающих с уст донкихотствующих адвокатов.

Недоработанность статьи «Дача взятки» сегодня на руку оговорщикам. А что страшнее этой неотлаженной правовой машины на столбовой дорожке нашей жизни! Казалось бы, одна недошлифованная деталь в этой работающей машине, а сколько возможных катастроф и покалеченных судеб...

И давайте-ка не будем надеяться, что очередное заявление вдруг попадет в руки добропорядочного следователя. Таковые, конечно, имеются, и, надеюсь, в абсолютном большинстве. Но человеческие судьбы не должны зависеть от степени порядочности следователя, судьи, прокурора. Гарантией должен стать сам закон без двусмысленности и хитроумных лазеек.

АКЦИЯ

Выстрелов в этой истории не было. Сто боевых патронов остались лежать нетронутыми. Их вовремя обнаружили при обыске в безобидном белевом шкафу. На запястьях хозяина щелкнули наручники. А неделю спустя в краевой эфир вклинилась срочная информация: «Разоблачена преступная группа во главе с директором совхоза Городицким...»

И вот три года спустя в здании Краснодарского суда произошло ЧП. О нем упорно молчала краевая пресса. Умолчим пока и мы. Но прежде поведаем о событии 1979 года. С него-то все и началось...

Кто поедет в Челбассы?

Ехать не хотел никто. Добровольцев попасть в кресло директора совхоза «Челбасский» не нашлось. Если кто в него и попадал, обычно искал повод покинуть хозяйство. Повод находился. А хозяйство продолжало катиться вниз, обстая миллионными долгами.

В Челбассы поехал он — Городицкий. Поехал, прекрасно зная, что такое Челбассы. А это и непролазная грязь горбатых дорог, и истерзанные сорняками поля, и покосившийся клуб, подпираемый хмельными молодцами. Впрочем, не хуже знал и то, что под ногами без дела томились 2500 гектаров кубанской земли, на которой можно творить агрономические чудеса. Но, заглянув в уголки доставшегося «царства», понял — с чудесами придется повременить. Вырваться бы из лиги аутсайдеров треста — в списке 16 хозяйств Челбассы занимали 16-е место.

Итак, в районе он отныне самый молодой директор самого убыточного хозяйства. Абсолютное большинство челбассцев смотрело на «необъезженного» директора как на временное явление. Но временным

явлением стало абсолютное большинство. И вот из совхоза побежали кадры. Началось великое, в масштабах Челбассов, самосокращение. И когда видел директор кузов грузовика со скарбом очередного переселенца, не огорчался. Понимал, бегут слабаки, с которыми не создать того, что замыслено. На их смену приходили новые. С ними-то замысленное и стало явью.

Из показаний зам. директора треста «Овощпром» Н. Д. Жигалкина на суде: «...В годы, когда пришел Городицкий, был сделан резкий рывок вперед. Директор развернул жилищное строительство, поселок хорошел на глазах. Во всех отраслях произошел перелом: стали выполняться планы, поднялась урожайность. В совхоз стали проситься на работу люди...»

* * *

Такова краткая летопись Челбассов, куда приехал Городицкий, по сути дела, объявивший перестройку местного значения уже в те, застойные, годы. Такова первая сторона медали, которая не вязалась со стороной обратной, отраженной в обвинительном заключении: «Во вред интересам государства организовал несколько преступных групп; до 1985 года систематически совершал в совхозе хищения государственного имущества и денежных средств в особо крупных размерах; неоднократно получал взятки, занимался иной преступной деятельностью... Причинил вред народному хозяйству СССР...»

Перечитываю эту, противоположную по смыслу предыдущей цитату. Хочу понять, зачем обрек себя на многолетние хлопоты по преобразованию отсталых Челбассов. Голая попытка что-то доказать, вывести совхоз из застоя? Или был дальний прицел: из тех же Челбассов сделать потом прибыльное для себя место. Но стоило ли вкладывать столько сил, недосыпая ночами, наживая врагов, если был выбор: кроме отсталых Челбассов, предлагали благополучный колхоз «Новороссийский». Ведь те же «денежные средства в особо крупных размерах» дались бы сразу более легким путем. А таких путей в былые времена царствования на Кубани Медунова — времена фантастических приписок и бравурных рапортов — было более чем достаточно. Но Городицкий почему-то выбрал заброшенные Челбассы.

И прежде чем пытаться объяснить этот выбор, важно понять, что все-таки стало отправной точкой этого уголовного дела. А главное, кто явился тем бесстрашным правдолюбцем, не убоившимся в застойные годы сорвать с влиятельного директора, члена бюро ГК КПСС маску. Этого-то смельчака я и решил сделать положительным персонажем очерка...

Герой в капроновом чулке

Поиски положительного героя долго не давали результатов. Скромность, которой украсил себя герой, не знала пределов. Каждый опрашиваемый мною работник совхоза неопределенно пожимал плечами. Блокнот долго пустовал, пока не легли в него строки из показаний совхозного водителя Роговского В. К. на суде: «Полям хозяйства не давали покоя расхитители, среди которых попадались и работники милиции. Многие считали совхозное личным. Случалось, наставляли на Городицкого обреты. А сколько было угроз!..»

Угрозы действительно были. По телефону ли измененным голосом, запиской ли, упавшей на дно почтового ящика или переданной через ничего не подозревавшую семилетнюю дочь ее строптивому папе. «Либо убирайся из поселка подобра-поздорову, — советовал неизвестный, — либо получишь свою порцию свинца... Круто берешь, хозяин...»

«Хозяин» и впрямь брал круто. Иначе не мог. Иначе и не понимал. Он не требовал совершать трудовые подвиги — просил работать честно и не красть совхозного. Когда просьбы оказывались тщетными, применял власть, становясь неприступно суровым. Срывался и до грубости. Был груб, но прав. Если кого и увольнял, то с чистой совестью. А в ответ — поигрывание желваков на скулах. В ответ — очередная записка.

Но записками не ограничивались, звенели в доме Городицких выбитые стекла; случалось, что неизвестные, напялив на головы капроновые чулки, подкарауливали ночью с колами. Не помогало ничего — директор к советам не прислушивался. А однажды прогремел выстрел.

Стреляли из обрез. Промажнулись. Директор бросился на выстрел. Стрелявший, видимо, не ожидавший от своей жертвы такой реакции, бежал в ночь, выронив впопыхах оружие. Наутро Городицкий отвез обрез в горком партии, показал первому секретарю Артуганову В. П. «Ты бы поосторожнее...», — посоветовал тот. Но поосторожнее Городицкий не мог — 57 000 рублей, по его подсчетам, теряло хозяйство от воровства на полях.

Бедой совхозных полей было соседство с вокзальным городом Тихорецком, откуда и ехали то частные, то служебные авто. Ехали, чтобы пожить в чужбасских урожаях. Увозили с поля сколько могли. И директор организовал охрану силами добровольцев совхоза. Дежурил ночью сам. Случалось, загонял на обочину машины с уворованным — прокалывал камеры. Но дремлющей милиции при этом жуликов не сдавал, а извлекал из них пользу для совхоза — задержанные, боясь нежелательной огласки на работе, безропотно пололи сорняки, выкашивали оросительные каналы. Самосуд? Да. Самоуправство? Конечно. Но отстающему хозяйству катастрофически не хватало рабочих рук. А тут и хозяйству подмога, и жуликам хорошая трудотерапия. Этот довод для начинающего директора был главным.

И вот лаконичные депешки с советами вскоре перестали приходить. Их сменили обстоятельные, как диссертации, письма в вышестоящие инстанции. В «диссертациях» не хватало детали — подписи.

Хозяйство же тем временем продолжало давать государству сотни тысяч чистой прибыли. Шел последний застойный год. Медунов уже освободил свой трон. План Городицкого на 1985 год — стать совхозом-миллионером. Но планам не суждено было сбыться. До ареста оставалось несколько месяцев...

* * *

...На след положительного героя я все-таки напал. В деле Городицкого нашлось письмо того бесстрашного заявителя, сорвавшего маску с Городицкого. В заявлении перечислялись факты, легшие в основу обвинения. «Позже факты будут солиднее, — предрекал автор, — и тогда без суда не обойдется...»

Словно в воду смотрел заявитель. И, вчитываясь в полные гражданского пафоса строки, я уже готов был мчаться к их автору, в Челбассы. Но ехать, как оказалось, было не к кому. Мой персонаж скрывался на этот раз под псевдонимом «рабочий совхоза». Выражаясь фигурально, бесстрашный правдолюбец, пожелав остаться неузнанным, предстал передо мной в той же самой маске из капронового чулка...

Проще говоря, передо мною лежала самая банальная анонимка — этот атавизм застойных лет, удобная палочка-выручалочка, пригодная подчас для расправы над неудобными. До недавнего постановления, оставившего за бортом жизни подметные письма «доброжелателей», оставались годы. Еще в чести были назойливые депеши «правдокопателей», умеющие порой диктовать злую свою волю...

К анонимке в прокуратуре отнеслись крайне уважительно и, пронумеровав ее, подшили к делу. Совхоз же тем временем простился с миллионными долгами. В Челбассы по отутюженным асфальтовым катком совхозным дорогам зачистили делегации за опытом; в кабинете директора впервые заалело кумачом переходящее знамя. Городицкий был еще на свободе. Последнее обстоятельство и не устраивало правдолюбца. «Тихорецкий миллионер Городицкий, укравший несколько сот тысяч совхозных денег, — печатал ручкой разоблачитель, — продолжает ходить на свободе...»

И «миллионера» арестовали, выполнив волю неизвестного. На руках молодого директора, который, по сути дела, и вывел заброшенные Челбассы из застоя, щелкнули стальные наручники. Стихла бессонная жизнь его кабинета, по которому можно было измерять учащенный пульс перестраивавшегося хозяйства; Челбассы словно замерли в ожидании участи директора — своей участи...

Зачем звонил колокол

На скромном горизонте районного правосудия замаячил «крупняк». За дело с невиданной готовностью, словно дождавшись чьей-то коман-

ды, взялось тихорецкое следствие. И, несмотря на относительно скромные размеры уголовного дела, о нем знала уже вся Кубань. Едва успели просохнуть чернила на ордере на арест, как Краснодарский край уже знал: директор совхоза — опасный преступник.

Первым в колокол общественного мнения ударил начальник УВД края генерал-майор милиции Разин М. С. По всем уголкам Кубани через эфир разлетелась весть: «Разоблачена преступная группа во главе с директором совхоза Городицким, который путем завышения расценок за выполнение строительных работ и оформление фиктивных нарядов похитил 15 000 рублей...»

Следствие еще было в самом разгаре, и неизвестно, к какому решению оно бы пришло, каким было бы само обвинительное заключение. Неизвестно, появилось бы оно на свет вообще. До суда оставалось чуть более года, а генерал уже был уверен, что группа — преступная, наряды — фиктивные, а «15 000 рублей» похищены.

Вторым ударил в колокол сам прокурор Краснодарского края Рыбников Б. И. Через красную газету он сообщил массе читающих кубанцев о том, как директор совершил невиданные приписки овощей, молока и незаконно выплатил премии. До суда оставалось более 8 месяцев. Ни единая душа еще не знала, что приговор будет обвинительным. Даже судья Королихин Е. Н., вынесший обвинительный приговор. А прокурор откуда-то знал...

Здесь я далек от мысли защищать честь мундира своих краснодарских коллег, пропустивших в эфир и печать выступления начальника УВД и прокурора края. Но кто, как не эти высокопоставленные чиновники, знает, какой вес имеют их досудебные выступления с высоких трибун. И кому, как не Государственному советнику юстиции 3-го класса Рыбникову Б. И., знать о статье 16 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, в которой черным по белому написано: «Судьи и народные заседатели разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие...» Но чем, если не попыткой постороннего воздействия, можно назвать те выступления в прессе?

Жанр досудебной публикации... Его нет в списке жанров журналистики. Но он есть, существует сам по себе, разбойно вторгаясь на газетные полосы. Именно вторгаясь, потому что публикации этой не ждет никто — ни суд, ни адвокат. И я не боюсь преувеличить опасность таких публикаций. Ведь для человека, еще не попавшего в зал суда, уже создан ореол преступника. Чуть ли не в заданном направлении формируется общественное мнение. Следствие, суд начинают подчас мыслить категориями обвинения, продиктованными с высоких трибун.

Авторы поспешных публикаций тешат себя иллюзией бесспорности материалов предварительного следствия, напрочь забывая при этом, что человек, оказавшийся за бортом жизни, не осужденный, не подсудимый, а лишь подозреваемый. Подозреваемый в преступлении, которое, возможно, и не совершал. А сколько таких вот картонных домиков, ста-

рательно выстроенных следствием, рушилось с треском, и очарованные магией обвинительного заключения сочинители стыдливо потупляли взоры перед вышедшими на свободу персонажами. Не завидую этим сочинителям. Как, впрочем, и самим персонажам. Ославленные, возвращаются они в родные места, ведут честную жизнь, работают, а ореол преступника еще долго преследует их...

Куда же так спешили генерал с прокурором, вольно или невольно задававшие определенный тон следствию? И если бы уважаемые мужики края удосужились взять в руки материалы дела, внимательно их проштудировав, то неизвестно, какие заметки на полях уголовного дела сделал бы каждый...

Заметки на полях дела

Оставим пока знакомство с публикациями, посвященными директору. Семь штук насчитал я их в краевой прессе! Поспешными и легковесными представляли они на газетных полосах. Потому-то и углубился я в чтение томов нашумевшего дела. Если припомнить выступление генерала по радио, то речь в нем шла о неких строительных работах.

А в поселке действительно велось строительство. Его по договору с совхозом вел студенческий отряд. Городицкий с присущей ему энергией делового руководителя оказывал бойцам отряда действенную помощь, обеспечивая их, как и положено, необходимым фронтом работ. В этой-то благотворной деятельности директора следствие и узрело криминал. В приговоре со всей серьезностью отмечалось следующее:

«Организовал надлежащим образом работу отряда, наладил бесперебойное снабжение строительными материалами, транспортом, механизмами и в конечном счете обеспечил бойцам отряда высокий заработок».

Выходит, устрой предприимчивый директор бедным студентам не высокий, а низкий заработок, не обеспечить ребят кирпичом, механизмами, то следствие отнеслось бы к этому факту благосклонно? Под подозрение в данном случае попадал сам факт высокого заработка. В приговоре оплошался основной принцип нашего общества: от каждого по способностям, каждому по труду. Хорошо сложенная работа, социалистическая предприимчивость делового руководителя выходили за рамки прежних стереотипов. Во всем этом следствие видело (а может, и хотело видеть) личную корысть, замешенную на взятках. Уголовно наказуемыми в данном случае становились нормы жизни, к которым стремимся мы и по сей день.

А заработок и впрямь был высоким. Каким он и должен быть за ударный труд от зари до поздней ночи. Бойцы отряда покидали поселок, оставляя после себя улицы домов. И вот в момент следствия вышла незадача — никак не могут отыскать договор, согласно которому и стро-

ились жилища. К факту отсутствия документа суд отнесся глубокомысленно: «Документ все-таки!..»

Бумаги и впрямь не было. Но существовали дома. Целая улица домов. Их можно было потрогать руками, измерить с участием судебных экспертов (что так и не было сделано). Они существовали в реальности, в них пестрила жизнь: игрались свадьбы, стирались пеленки, зарождались семьи, которые были благодарны директору за то, что тот когда-то «организовал надлежащим образом работу студенческого отряда».

Короче, были дома, но не было бумаги, возможно, затерявшейся в пуганых дебрях бухгалтерии. Почтенный суд не располагал документом, подтверждающим сей факт де-юре. И бумага взяла верх — отсутствием оной стражи Закона поставили директору в вину...

Но попробуем все же довериться автору одной из заметок в газете «Комсомолец Кубани». Согласно публикации (которая по своей фактуре удивительно совпадала с текстом тех анонимок) директор был отъявленным взяточником. Я долго листал дело, чтобы понять, как же доказывалось это серьезное, труднодоказуемое преступление, какими неопровержимыми доводами оперировали следствие, суд. Довод первый нашелся в самом «сердце» уголовного дела — в приговоре, по которому и получил не в меру предприимчивый директор 12 лет лишения свободы. Цитирую дословно:

«Со слов Тлехуча и Хатхоху было известно о том, что директору давались деньги...»

А это доводы следствия: «По поселку ходили разговоры, что Городицкому давались взятки...»

Ни на минуту не могу себе представить деревню без слухов. Впрочем, вот один из них: «...Директор не дал прокурору района Руденко совхозные талоны на бензин, они поссорились, за что прокурор и сделал все возможное, чтобы упечь директора в тюрьму». Если верить слуху, вошедшему в документ, то почему бы не поверить и этому? Почему бы по тому же принципу не поверить, например, в то, что все устремления следствия, прокуратуры были хорошо продуманной акцией по расправе над независимым, деловым директором, ставшим бельмом на глазу у районной элиты?..

Оригинальным по своей простоте и убедительности показался мне и следующий довод следствия:

«Поведение Кана было спокойным, и оно (поведение) явно доказывало то, что следственно-заключенный говорил правду».

Но ведь и поведение Городицкого тоже было спокойным. Выходит, и он говорил святую правду. Почему же не поверило следствие ему?

Чем больше читал показания взяточдателей, тем противоречивее становились они. Ради спортивного интереса я и повел им учет. Согласно моей «бухгалтерии» выяснялось, что один только командир студенческого отряда Тлехуч сменил свои показания в отношении места и времени дачи взятки более 15 раз. Сумма варьировалась от 4000 до 5000

рублей. Рекордсменом же по смене показаний стал бригадир Кан, который, радуя следствие своим «спокойным поведением», сменил их 48 раз! При подробном чтении дела у меня невольно возникало ощущение некоей заданности со стороны следствия, поспешно надевшего наручники на преуспевающего директора.

Не буду далее утомлять читателя перечислением всех казусов и противоречий. Их несметное количество, и они скучны. Лучше попытаюсь найти всему этому вразумительное объяснение. Для этого отвлекусь пока от источников официальных, обратившись к источникам неофициальным. Это тюремная почта, которая все-таки существует во всех тюрьмах, несмотря на недремлющее око тюремного руководства.

Три письма Генриху

Это были два тайных письма. Их доставила тюремная почта адресату по кличке Генрих. Подследственный Кан писал в камеру Городицкому:

«Привет, Генрих! Ты извини меня, что оказался таким подлецом. Я очень виноват перед тобой, что оговорил тебя, будто давал тебе взятки. Так получилось — меня поставили в такие условия... Я смалодушничал — наврал сумму и выдумал время дачи тебе взятки. Еще раз прости старика, что наговорил на тебя. На суде обещаю говорить правду...»

Кан сдержал свое слово, рассказав на суде и про первые дни после ареста: «31 марта 1985 г. меня самолетом привезли в Тихорецк в 21.00 и сразу повели к прокурору Руденко. Там были следователь Осипенко и начальник ОБХСС Змихновский. Они начали меня шантажировать. Руденко сказал: «Спиши деньги на Городицкого и поедешь домой или же сгниешь в тюрьме». Я опять сказал, что так говорить не буду. Тут с кулаками набросился Осипенко. Все равно, говорит, вышибу все, что было и чего не было. Я и дал показания на Городицкого под нажимом Руденко, Осипенко и Змихновского».

Поведал Кан и о «суфлере» Осипенко:

«Осипенко говорил, что буду отпущен домой, как только запишу показания на магнитофон. Он написал мне шпаргалку с записью дат и сумм денег, что якобы давал Городицкому. Осипенко задавал мне вопросы, а я по шпаргалке отвечал...»

Суду же рассказал он и о торге, который произошел в кабинете следователя Пак:

«...Методы у Пак были другие — она жужжала как назойливая муха о том, что ей нужен хоть один эпизод. Все равно, говорит, чистым меня не выпустят. А если скажешь то же, что говорил Осипенко, покажешь на директора, выпущу под расписку. Я долго не соглашался на эту аферу. Но я очень стар, изрядно устал и измучился в тюрьме. Уже два года не видел семью, поэтому и клюнул на приманку Пак...»

На то же «клюнул» и другой взяточдатель — Тлехуч. Впрочем, у последнего были на то особые причины. Доказывая псевдопреступления директора, следствие, само того не подозревая, вскрыло преступление реальное, совершенное Тлехучем и мастером студотряда Хатхоху. Они утаили от общего заработка сокурсников 10000 рублей. Но их не постигла директорская участь — следствие их преднамеренно не взяло под стражу, отпустив под расписку. Платой за дарованную свободу был оговор Городицкого.

Воры расплатились сполна. Но вот грянул приговор, в котором и нашлись отрезвляющие для оговорщиков строки:

«Меру пресечения изменить, из зала суда немедленно взять под стражу...» Итак, прощай свобода. Прозрение наступило уже в тюрьме, за миской скупой похлебки. Тюремное меню пришлось не по вкусу. В результате и родилось третье письмо, тайно переправленное той же почтой: «Здравствуй, Генрих! Побывли неделю в тюрьме и все поняли. Навторили делов для тебя, и нам плохо стало. Я прошу тебя, не обижайся. Но ты сам виноват, что поссорился с прокурором района Руденко. Не поссорился бы, все было бы нормально. И ты работал, и нас бы никто не трогал... Знаем, что ты сердисься. Извини...»

Повинные письма теперь невольно проливали свет на то, как зарождалось уголовное дело, почему не суждено было сбыться планам Городицкого, взявшегося вывести отсталые Челбассы в миллионеры. Все это напоминало заговор против инициативного руководителя совхоза. Заданность следствия проглядывалась уже и в том, что прокуратура шла от ареста к добыче вещественных доказательств, а не наоборот. Одним из таких вещдоков и стали «пригодные для стрельбы боевые патроны».

Их нашли уже при втором обыске, после того, как «глава преступной группы» был арестован. Но как могли оказаться эти «вещдоки» в белевом шкафу, тщательно перерытом накануне, при первом обыске? Может, для удобства следствия их подбросила обезумевшая от горя жена с месячным младенцем на руках?

Эти вопросы и переадресовал я следователю Осипенко, руководившему обыском. Последний клятвенно заявил, что патроны в шкаф он не подбрасывал. Тогда зачем было ему приписывать в протоколе обыска «100 штук боевых патронов», победоносно размахивая этим сфабрикованным документом в период следствия? Хочешь не хочешь, а начинаешь невольно приходить к выводу, что следствие, выбивая из-под Городицкого директорское кресло, по чьему-то негласному указанию готовило ему тюремные нары...

О чем молчал колокол

Об этом ЧП упорно молчит пресса и по сей день. Та самая пресса, которая с гражданским пафосом описывала преступления директора из Челбассов. ЧП произошло в зале Краснодарского краевого суда, на гла-

зах у всех. «Глава преступной группы» неожиданно покинул зал. Нет, это был не побег из-под стражи. Городицкого оправдали сразу по двум статьям. По реабилитирующим обстоятельствам.

Это стало возможным после того, как председатель Верховного суда РСФСР Н. П. Малышаков по жалобе опытного краснодарского адвоката Н. И. Ковалева внес в Президиум протест. Краснодарский судья Епифанов В. М., которому доверили новое судебное разбирательство, увидел наконец ту тьму противоречий в 23-томном деле. Он-то и оправдал Городицкого, наконец-то сняв с него клеймо вора и взяточника.

Сколько же лестных для этого судьи сравнений занес я поначалу в блокнот, когда задумался о его поступке. Именно о поступке, так как старые стереотипы застойных медуновских лет часто еще мешают большинству судей пойти наперекор мнению, сформировавшемуся в стенах родного суда. Это значит противопоставить себя коллегам. А тут, отбросив местные амбиции, судья отменил прежние статьи Уголовного кодекса в отношении Городицкого.

И все-таки боязнь оправдательного приговора в большинстве слушателей Фемиды засела пока основательно. Что, в сущности, означает сам по себе этот вид приговора в свете тесных взаимоотношений суда и прокуратуры? А это не что иное, как публичное порицание работы прокуратуры, принародное осуждение следственных органов, сфабриковавших уголовное дело. Но так ли охота местному суду портить давно отлаженные отношения с прокуратурой, работающей с ним в удобном соседстве? Тем более портить их публично, при всем честном народе. В некоторых судах появление оправдательного приговора подчас означает ЧП, приравненное к цунами, появившемуся на безоблачном горизонте местных судебно-правовых отношений. На отважного судью, вынесшего такой приговор, начинают смотреть или как на взяточника, или как на героя, совершившего поступок.

Именно так и смотрел я на краснодарского судью, пока не дочитал приговор. А дочитав, обнаружил, что не с такой уж чистой биографией покинул директор зал суда. Судья оставил-таки за ним статью по припискам овошей. Хотя нетрудно понять судью — Городицкий пусть частично, но признал свою вину. Казалось бы, вывод судьи Епифанова правомерен. Впрочем, при этом мнению я и оставался бы, если бы не одно непредвиденное обстоятельство...

Как ее развенчивали...

То было не совсем обычное письмо, пришедшее в редакцию задолго до освобождения его из-под стражи. Писал заключенный Городицкий, сам того не подозревая, что в очередной раз развенчивает царицу доказательств — признание вины.

«Уважаемая редакция! Пишу из камеры № 126 СИЗО 18/1 втайне от надзирателей. Вот уже 1091 день я живу в уголовном мире, пребывая

в откровенных беседах с преступниками и безвинно осужденными. Поэтому прекрасно ориентируюсь в судебных вопросах.

Перед законом я чист, и Епифанов должен вынести мне оправдательный приговор. Но его не будет! Ведь если оправдают по всем статьям, придется наказывать своих же — виновников фабрикации дела. А на это никогда не пойдут. Тем более что прокурор района Руденко (главный виновник) сделал на моем липовом деле карьеру — пошел на повышение в прокуратуру края. Поэтому выберут середину: согласно протесту оправдают по серьезным статьям (взяткам, хищению), но при этом оставят мелочь, чтобы как-то оправдать 3 отсиженных мною года.

Если буду спорить, доказывать правду, суд может оказать «услугу» — отослать дело на исследование к тем же следователям, и тогда может начаться все сначала. Это будет продолжением той начатой прокурорской акции в отношении меня. А у меня уже нет сил — за три года я сменил 7 тюрем, 30 камер, 2 колонии, вынес 22 этапа. Лучше я оговорю себя, признаю несуществующую вину, куплю свободу ценой самооговора. А на свободе докажу, что чист перед законом. Здесь же, в камере, эффект борьбы равен абсолютному нулю...

Подсудимый Городицкий Г. М..

Письмо написано задолго до приговора. Предсказания подсудимого сбылись. Суд довольствовался одним признанием, ставшим единственным доказательством вины, не подтвержденной ни документами, ни логикой. Но кому как не судье знать прописную истину из статьи 77 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: «Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу?»

Не мог не знать судья эту истину. А тем более ее забыть. Неизмеримо дорого стоила нашей стране подобная «забывчивость» во времена Вышинского, сделавшего из признания вины царицу доказательств. Невинных, вынужденно признававших «вину», вели на расстрел. Здесь нет необходимости приводить примеры того времени. Их масса в печати. Но не будем успокаивать себя тем, что это ошибки безвозвратного прошлого. Столь же ошибочные выстрелы раздаются и в наше время. В той же печати находим мы тому подтверждение с конкретными примерами. Это прежде всего судебный очерк, опубликованный в «Литгазете» — «Метастазы». Истинный преступник 14 лет убивал свои жертвы. Арестовывали невинных. А судьи тем временем, не утруждая себя поисками истины и довольствуясь одним признанием, посылали невинных за решетку, на расстрел.

Да, я беру крайности. Но только через эти крайности и можно понять, какие ужасы способна еще натворить развенчанная, казалось бы, царица доказательств.

Кто виноват?

О признанных «грехах» Городицкого можно говорить долго. Но остановимся на самом главном — приписках, «причинивших вред народному хозяйству СССР». Чтобы понять, как все-таки пострадало хозяйство СССР от коварного директора, вернемся в Челбассы, где шла битва за урожай.

Это была не та битва в открытом поле, по колено в земле, под дождем. Нет. Это сражение он выиграл, собрав все до единого помидорчика в срок. То было единоборство с непродуманными инструкциями, согласно которым овощи должны были сдаваться в городскую торговлю Тихорецка. Совхоз и сдавал их каждый год. Но горторг, затоваренный подчас овощами и будучи не в состоянии все продать, возвращал часть совхозной продукции. Так на маршруте «совхоз — горторг — совхоз» гнил урожай. Гнил в угоду инструкции.

Во спасение урожая, чтобы исключить порчу овощей, он и решил, не расторгая обязательного договора с горторгом, продавать овощи рабочим совхоза и организациям. Деньги официально, через совхозную кассу, поступали в горторг. В кассу, а не в личный карман Городицкого. То есть вместо хлопотного товара горторг получал сразу деньги, а благодарные покупатели — спасенные от тлена витамины.

Нетрадиционно реализованную часть овощей (1021,8 тонны) он, естественно, включил в план реализации совхоза. Эту часть продукции и принял за приписки. В этом и нашли криминал, от которого выигрывали все. В том числе и народное хозяйство СССР.

Итак, мы знаем теперь об «ущербе», нанесенном Городицким за все пять лет. О «доходах» же я узнал, когда прибыл в АПК «Тихорецкий». Суммы эти, вздыхая, надиктовывал мне в блокнот генеральный директор АПК В. Т. Ступин. Ручка при этом вывела: «929 000 рублей». А вот и комментарий, взятый мною из показаний работников совхоза на суде:

«После Городицкого совхоз «Челбасский» завалили...», «В совхозе стало хуже, появилась большая засоренность земли. Новое руководство совхоза в полях нашей бригады уже не появляется...», «Сказывается отсутствие Городицкого; резко упала производственная и трудовая дисциплина, заметно снизились надои молока...», «Я считаю, что перестраивать Городицкому было бы ни к чему, если бы директором совхоза в настоящее время был он...».

Но «он» был под стражей, за решеткой следственного изолятора. На руках опытного руководителя, истосковавшегося по нелегкому крестьянскому труду, холодно поблескивали наручники. Именно в первые два года пребывания Городицкого под стражей и выросла эта гигантская сумма — 929 тысяч рублей убытка. И пока набухало страницами громкое дело, пустили под нож все поголовье свиней, дававшее государству мясо; заморозилось жилищное строительство на поселке; недостроенными остались важные производственные объекты; участились пьянки, а хозяйство снова скатилось на последнее место.

Я внимательно пролистал подшивки районной газеты «Ленинский путь» за годы заключения Городицкого. На полосах часто встречались невеселые строки типа: «Три дня на голодном пайке коровы совхоза «Челбасский»...», «Как попало хранят удобрения в совхозе «Челбасский», «Совхоз «Челбасский» опять срывает поставки городу свежих овощей...». За третий год в хозяйстве сменился третий директор.

О Музалевском Б. П. узнал случайно, из тех же газет. В статьях «Поле Музалевского» и «Как в поле совесть потеряли» его критиковали за преступную бесхозяйственность. «Совесть» в данном случае потерял он, главный агроном, сгноивший в земле тонны овощей. Критика помогла. Но помогла довольно странным образом. Причем одному Музалевскому, который стал директором совхоза. Он-то и взялся сопровождать меня в экскурсии по Челбассам.

Битая во многих местах дорога, подбрасывая наш газик на горбатых ухабах, вела к бахче, на которой и надеялся я увидеть сочные кубанские арбузы. Справа, в открытом поле грустно гнило несколько тонн доброкачественного сена, слева утонули в 30 гектарах разгулявшихся сорняков так и не взшедшие огурцы. Пискнув тормозами, газик остановился у бахчи, расстелившей пыльным ковром площадью в 50 га. Я долго вглядывался в поросль. На бахче негде было упасть и яблоку — ноги путались в лианах сорняков. Нечто близкое по размерам к яблоку я обнаружил в нескольких местах. Оказывается, это и были кубанские арбузы челбасского производства. Вовремя не выкорчеванные сорняки забрали у овоща все питательные вещества роста, обеднив почву. Отсюда и этот необыкновенный «сорт» арбузов величиной с яблоко.

С заброшенных полей мы возвращались через улицу Студенческую — ту самую, которой так недоставало первому суду в бумажном оформлении. Уже в конце невеселой экскурсии я случайно узнал о другой улице Городицкого — улице образцового типа с сельскими домами со всеми удобствами. Захотелось взглянуть.

Недалеко от конторы я увидел две линии электропередач. Бетонные столбы выстроились в два ряда на большом пространстве пустующей земли. Августовский ветер одиноко завывал в проводах, прижимая к земле сорняки в рост человека. Это и была та не выстроенная Городицким улица с одиноко торчащими из земли столбами. Протянутая при Городицком линия электропередач сегодня уже освещала бы жилища первых новоселов. Но новоселье отменило следствие...

Кого мы судим

Я шел по этой непостроенной улице. И мне не давала покоя та колющая из приговора в приговор фраза: «Причинен вред...» Так кто же его причинил? И сколько стоило это бесцельно пылящееся в архиве суда уголовное дело? В каких величинах измерить его сегодня?

Не буду брать во внимание те напрасные затраты на бесконечные командировки судей, экспертов, следователей. Опущу и трехгодичную зарплату с премиями, полученную за осуждение невиновного. Такие подсчеты выполнит любая бухгалтерия. Но какая бухгалтерия подсчитает, к примеру, реальные потери от невыращенной овощной продукции, не попавшей на столы горожан, от пущенного под нож целого поголовья, так и не давшего стране мяса, от невыстроенных просторных улиц, неотпразднованных новоселий, а главное, от неверия людей, потерявших надежду на лучшее?.. Неизмерим такой ущерб. И никакие чиновники от юстиции не восполнят его теперь.

Огромными правами наделены сегодня прокурорские органы, способные беспрепятственно вторгаться в любую область экономики нашей страны. И я не боюсь преувеличить опасность такого вторжения, если носит оно характер хорошо продуманной акции, если идет охота на человека, проголосовавшего против старого, застойного.

Я долго пытался понять, вследствие чего оказался за решеткой первоклассный специалист, нужный нашему обществу. Может, желание громкого дела или результат ошибки следствия? Вряд ли. Чтобы понять это, я долго беседовал с авторами многотомного сочинения. Каждого пытал одним и тем же вопросом: что им известно о Городицком как о директоре? И каждый отвечал примерно одно и то же: «...прекрасный специалист, хороший руководитель».

— Городицкий — личность!.. — даже слетело с уст начальника районного ОБХСС В. Змихновского.

Значит, знали, на кого надевали наручники, — на личность, на первоклассного специалиста. Знали, что творили, когда охотились за уликами, чтобы потом подбросить их на пустую чашу правосудия. Выходит, не ошибка. Тогда что же? Не берусь утверждать, жертвой чего стал неугодный кому-то директор. По крайней мере документальные свидетельства неплохо продуманной акции налицо. А свидетельства эти подшиты к делу.

И все-таки, несмотря на сравнительно скромные масштабы этой истории, дело челбасского директора не хотелось бы помещать в рамки частного случая, сужать его до размеров одного района. О подобных историях с сожалением повествует пока обширная редакционная почта, приходящая из разных концов страны. И не иссякнуть этому потоку писем, пока полные энергии люди, ратующие за перестройку и пытающиеся порвать на себе путы старых институций, оказываются в конце концов в зале суда. В роли обвиняемых...

Когда верстался номер, в редакцию пришло два письма из Челбасов. В первом давал о себе знать так и не состоявшийся герой данного очерка — тот самый «герой в капроновом чулке», пожелавший остаться для всех неузнанным. «Преступник и хапуга Городицкий снова на свободе, — опять печатал ручкой скромный герой. — Судей подкупила его же-

на, которую наш новый директор Музалевский законно уволил за прогулы... Семья Городицких достойна выселения из нашего совхоза... Администрация вместе с парторгом Нашивочниковым примет все меры, чтобы выселить ее... Мы возмущены той несправедливостью, что преступник в годы перестройки гуляет на свободе! Рабочие совхоза».

И я с удовольствием отправил подметное письмо в архив.

Под вторым письмом тоже стояла подпись «рабочие совхоза». Но ниже я насчитал 43 подписи. Это были конкретные фамилии доярок, механизаторов, трактористов, рабочих совхоза.

«Расправа над нашим бывшим незаконно осужденным директором Городицким продолжается. Вот уже полгода, как он вернулся из мест заключения, но до сих пор не может стать полноправным членом общества. Наш новый директор Музалевский, грубо нарушая советский закон, не дает разрешения на прописку Городицкого в совхозе. А не прописавшись, он не может устроиться на работу. При этом Музалевский ссылается на то, что бывший директор якобы «утратил связь с совхозом». Это он-то утратил?! Причина нам ясна: новый директор, боясь иметь рядом такую независимую личность, как Городицкий, хотел бы выселить его из совхоза. Сейчас осталось лишить работы его жену, которую Музалевский уже дважды незаконно увольнял. Тогда будет прямой повод для выселения с двумя маленькими детьми. Просим препятствовать беззаконию...»

И, дочитав письмо, я отчетливо вспомнил откровение самого директора Музалевского, услышанное мною при встрече: «Выселяли пока не выселяли, но хотели это сделать... Решили пока не выселять...» Но долго ли продлится это «пока»? Так или иначе жизнь бывшего директора не стала лучше на свободе — недавний заключенный камеры № 126 снова в изоляции, снова вне закона.

Акция продолжается...

Послесловие с письмом, или «Акция-2»

Это было письмо, которого в редакции не ждал никто.

«...Вы опубликовали судебный очерк «Акция» в защиту моего мужа, незаконно осужденного Краснодарским краевым судом. Мужу пока легче не стало, зато хуже стало только мне. Теперь же началась «акция» и против меня. Уехал заезжий корреспондент, покритиковал в журнале нашего директора Музалевского и тем самым только подлил масла в огонь — с еще большим рвением Музалевский, уволив меня незаконно, выселяет из совхозного дома на улицу вместе с двумя малолетними детьми. Получилась гласность во вред. О действительности вашего журнала я уже не говорю — зло торжествует. Закон попирается. Уж лучше бы не приезжал тот корреспондент. Валентина Тихоновна Городицкая.

п. Пригородный Краснодарского края».

Тем заезжим корреспондентом был я. Но на этот раз, придерживаясь принципа «Не навреди» и учитывая сложность ситуации, редакция обратилась за помощью в Прокуратуру Союза ССР, которая, в свою очередь, для большей объективности решила устроить совместную проверку на месте при участии начальника юридического отдела Госагропрома РСФСР Н. А. Михайлова.

Тридцать семь (!) проверяющих побывало в совхозе за один лишь год. Проверяющие так и не пришли к единому мнению. Я был тридцать восьмым. Только поэтому зам. начальника управления общего надзора Е. Л. Широков поручил проверку прокурору управления В. П. Виноградову, имевшему ранее огромный опыт практической работы в «глубинке». Ему-то и предстояло разрубить «гордиев узел», туго завязанный 37 проверяющими, изучив для начала преамбулу увольнения. А она такова.

Три года назад незаконно арестовали ее мужа — директора совхоза, вытянувшего отсталое хозяйство в передовые. Был суд, и его без всяких на то оснований приговорили к 12 годам за взятки и надуманные следствием хищения. Но Валентина Тихоновна, будучи уверенной в невинности мужа, написала за три года 475 жалоб в различные инстанции. Бюрократическая стена оставалась непробиваемой. пока одно из писем не было внимательно прочитано в Верховном суде РСФСР. В результате на обвинительный приговор был принесен протест.

Предстоял второй, долгожданный суд над передовым директором. Решалась судьба ее мужа — отца двух малолетних детей. По этой причине взяла она отпуск за свой счет и с крошечным ребенком на руках отправилась на процесс. Отпуск был оформлен директорским приказом. И вот за два дня до вынесения приговора директор Музалевский отменяет свой первый приказ, и у Городицкой получается два дня прогула. Причину «прогулов» директор посчитал неуважительной и уволил ее по 254-й статье КЗОТ.

«Никаких документов о необходимости ее присутствия на суде над мужем Городицкая не представила...» — указывает в приказе «принципиальный» директор. Но какие, интересно, документы или справки можно было предъявить на сей счет? Может, справку о том, что зная для Городицкой горячо любимый ею супруг?! Ведь единственное, что требовалось тогда от директора Музалевского и парторга Нашивочникова, так это элементарное человеческое сострадание.

Именно этим-то чувством и руководствовался прокурор Красnodарского края, принесший протест на незаконное увольнение. Вступился за Валентину Тихоновну и зам. председателя крайагропрома, отменивший незаконный приказ и восстановивший ее в должности зав. детсадом. Казалось бы, конец мучениям. Валентине Тихоновне осталось приступить к работе. Но не тут-то было.

Подогреваемый личными амбициями, Музалевский игнорирует и протест, и предписание прокурора края, и приказы крайагропрома; са-

мовольно не допускает ее к работе, одновременно ставя вопрос о срочном выселении Валентины Тихоновны из совхозной квартиры на улицу с двумя малолетними детьми. Дело доходит до Госагропрома РСФСР, где увольнение также посчитали незаконным, а причину уважительной. Но взвизгивший администратор продолжал попираť закон.

— Почему не выполняете приказы, не допускаете к работе?.. — все как один задавали этот вопрос члены нашей комиссии.

Но молчит «принципиальный» администратор, отважившийся на поединок с женщиной. Хотя попытка уволить жену бывшего передового директора Городицкого Г. М. не была первой. Предпринималась таковая, и когда Музалевский был в ранге и. о. директора — в момент, когда муж Валентины Тихоновны был под следствием.

События тогда развивались в традициях плохого детектива: некто Икс-1 пишет от имени Городицкой следующее заявление: «Прошу уволить меня из совхоза по собственному желанию. Квартиру освобождаю до 1 августа»; некто Икс-2 за нее расписывается, тайно переправляя заявление Музалевскому. И администратор, с готовностью подмахнув сей подложный документ, передает его в отдел кадров...

Увольнение, к счастью, не состоялось, но улика с подписью нынешнего директора хранится сейчас в редакционном сейфе и в любой момент может быть официально представлена прокуратуре.

Так сколько же стоили директорские амбиции государству? Этим вопросом и задалась наша последняя комиссия. Имеются в виду госсредства, безвозвратно потраченные на билеты, командировочные и прочее. Подсчитали. Вышло, что личные амбиции заупрямившегося директора обошлись в сумму около 3000 рублей. Так кто же вернет их государству? И кто заплатит Городицкой за год вынужденного прогула? То же государство?

«Гордиев узел» в конце концов разрубает прокурор союзной прокуратуры В. П. Виноградов. Тут же, на месте, по его настоянию Городицкой выдают новую трудовую книжку, «очищенную» от порочащей записи. Одновременно согласно своим полномочиям прокурор приходит к выводу, что **«в действиях Музалевского содержатся признаки преступления»**. В итоге в этом же постановлении прокурор пишет: **«Возбудить уголовное дело в отношении директора совхоза «Челбасский» Музалевского Бориса Петровича»**.

Итак, по письму в редакцию возбуждено уголовное дело. Следствие поручено проводить Ростовской прокуратуре. По окончании расследования, помимо вопроса об уголовной ответственности, будет решен вопрос о том, кто все-таки оплатит администраторский каприз: сам директор или то же государство, нередко оплачивающее чужие грехи?..

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда верстался номер, в редакцию пришел ответ из Прокуратуры РСФСР, в котором говорится, что после опубликования судебного очерка «Акция» уголовное дело на Городицкого было

внимательно изучено. В результате прокурором республики С. А. Емельяновым в Верховный суд РСФСР был принесен протест на приговор Краснодарского краевого суда. В протесте ставился вопрос о полной реабилитации бывшего директора совхоза Городицкого Г. М. Последнее слово оставалось за высшим судом республики.

Но не прошло и месяца, как долгожданное слово было сказано — судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР напрочь отменяла оставшиеся в приговоре статьи. Итак, чист перед законом Городицкий, рухнул выстроенный следствием карточный домик...

Но пока решалась судьба директора в третьем по счету суде, ни о чем не подозревавший Григорий Михайлович уже спешил на новое место работы. В Калининской области прочитали очерк «Акция» и, не ведая об отмененном приговоре, пригласили судимого директора на работу в область — пригласили, не раздумывая ни минуты, доверив одно из самых крупных хозяйств. Совхоз «Молодотутский» был самым отсталым в районе, и Земля истосковалась по настоящему Хозяину. А Хозяин — по Земле...

Март 1988 г. — май 1989 г.

БЕЗ СУДА И СЛЕДСТВИЯ

Он исчез из номера гостиницы. Среди бела дня. Ушел и не вернулся. В догадках терялись сослуживцы, наводили справки друзья. Неопределенность порождала версии. Самой устойчивой была одна — убит, как лишний свидетель по одному торговому делу, расследуемому Прокуратурой СССР.

Шел второй год поисков...

Конец «вермутского треугольника»

Всесоюзный розыск объявили сразу. Но каких-либо сообщений в милицию так и не поступило.

Сведения же о пропавшем ограничивались сухим текстом формуляра: «Лобжанидзе Николай Павлович, 1936 года рождения, образование высшее, женат, имеет двух детей, ранее не судим. Член горкома партии, депутат Кисловодского горсовета, заслуженный работник торговли РСФСР, управляющий трестом...»

Но все это было уже в прошлом. Рухнуло в один день. Хотя за скучным формуляром остались дела. Без них он был бы безлик. Как, впрочем, и беглый рассказ о нем...

...До славных дел и кресла управляющего было далеко, когда в полусвоенных столовых 13-летний Николай начинал с прокопченных кот-

лов, которые драил до блеска. Восхождение от посудомойки до управляющего трестом было крутым. Поэтому, когда возглавил трест, уже освоил все до единой специальности, бытующие в общепите. И тем не менее на новоявленного управляющего смотрели как на очередного.

«Кто следующий?..» — шутили за спиной старожилы местного общепита. По-другому же считал он сам. Хотя и «наследство» оптимизма не вселяло — облупившиеся стены аварийных столовых, ветхие потолки, залитые вином скатерти, а ко всему «учтливое» обслуживание, вдохновившее посетителей на написание томов жалоб. Все это и вкусил он, когда под видом скупающего курортника заглянул в одно из кафе треста. Обхамили с порога, обсчитав на прощание. Обиду проглотил молча. Вместе с недосоленным супом. Увиденное принял как должное, как следствие проблем, опутавших общепит. Оставалось одно — рвать путы.

Начинал со столовых, торгующих на розлив, с забегаловок — этих излюбленных мест «вермутских треугольников». Решение принял не раздумывая: долой буфетные стойки, под слом забегаловки. Но и противостояние ощутил сразу.

«План заваливать?..» — недоумевая горячилась местная власть. «Заваливать» не собирался, но и беспокойству отцов города отдавал должное — план (это святая святых!) «вытягивали» исключительно за счет торговли спиртным. Но не за счет общественного питания как такового. От решения же не отступил ни на шаг — на спиртном ставил крест. Риск? Конечно! Безумство? По тем временам — да! На дворе стоял 1974 год. Нужна была поддержка, которую и получил в Ставропольском крайкоме партии, где сразу же поверили в успех замысленного.

Но далеко не всем пришлось по душе антиалкогольное подвижничество управляющего. Неодобрительно смотрели тогда на бурную деятельность новичка и в Минторге. В числе недовольных был и кое-кто из торговой верхушки в Москве...

(Из досье Прокуратуры Союза:

«Лукьянов П. В. — бывший зам. министра, 1923 года рождения, образование высшее, женат, ранее не судим; за получение взяток приговорен к 15 годам лишения свободы...»)

...Но данное слово сдержал — дрогнули под ударом чугунной бабы стены «гадючников», навсегда выкорчевывались пропахшие вермутом буфетные стойки. Кончен бал, которым правил План. Погасли прожектора Показухи. И росли корпуса рабочих, диетстоловых, по своему интересу не уступавшие ресторанам. А рестораны, приводя в восторг посетителей, стали соответствовать своему предназначению.

О тресте наперебой заговорила центральная пресса. В Ессентуки зачастили перенимать опыт со всех курортов страны. Одних действительно заораживал опыт, других мучила зависть. Первые называли «мажком» отрасли, вторые — «выскачкой». Последних было абсолютное меньшинство. Но они были...

А когда «высочка» вытянул трест в передовые, бросили на прорыв — в Кисловодский трест. Но намеченное осуществить не удалось — его вызвали в Москву. И он исчез...

...Шел 1983 год. До апреля 85-го оставалось два года, но слабый ветер перемен уже подул. На юге покачнулись столпы рашидовщины, дрогнули стены адыловских казематов, а в Москве из глубин торгового мира всплывали «рыбные» дела. Для следственных органов появилась пусть небольшая, но отдушина, обернувшаяся впоследствии серьезной брешью для касты застоя. Следствию развязали руки, которыми было сделано немало нужных дел в борьбе с коррумпированной мафией.

В андроповский период люди начали верить в силу добра, которое должно быть с кулаками. Репрессивная машина государства исполняла свои надлежащие функции — карала преступность, практически невзирая на личности. То там, то здесь раздавались выстрелы — в исполнение приводились приговоры. Но и выстрелы подчас были ошибочными — на пол спецкамер падали безвинные, а в колониях пребывали честные люди. Иными словами, предоставленная следствию свобода нередко граничила с произволом.

Прокуроры не глядя подмахивали обвинительные заключения. А в судейском кресле, как прежде, восседала царица доказательств — признание. Начиналась охота за громкими миллионными делами, в пылу которой были и жертвы случайные. В это самое время — время необоснованных арестов, неоправданных выстрелов, когда росло недоверие к следственным органам, — и исчез кисловодский управляющий. Но исчез не случайно...

Утренний гость

Последний раз его видели в гостинице «Россия». В его номер постучали в 5.30 утра. Разбуженный настойчивым стуком, он открыл дверь. Утренний гость, прошаривая глазами номер, начинал вкрадчиво:

— Николай Павлович, задержаны спекулянты помидорами, а на накладных — ваша подпись. Как это случилось?..

— Быть этого не может! Вот же моя подпись...

— Но ее необходимо сверить с той, что на накладных, которые сейчас лежат в Прокуратуре Союза...

И они отправились в Прокуратуру — сверять подпись. Впрочем, все прояснилось уже в кабинете:

— Следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Юрий Давыдович Сашин, — представился утренний гость, по-хозяйски указуя на стул.

— А как же накладные, которые...

— «Накладные» — тактический ход, чтобы заманить вас сюда...

— Зачем же заманивать — не преступник же...

Но хозяин кабинета так не считал. И после многочасовой беседы сделал второй «тактический ход» — пригласил в гостиницу, где приглашенного ждал подробный обыск.

У жильца выворачивали карманы, перетрясали постель. Обыск не дал ничего — драгоценностей и оружия обнаружено не было. Огорченный следователь удалился.

Опешивший управляющий уже заправлял перерытую постель, когда вдруг раздался междугородный звонок. На другом конце провода рыдала дочь.

— Они перевернули весь дом... Что они ищут, папа?..

Отец молчал. О том, что ОНИ искали, он узнает позже...

— Это недоразумение... Я все выясню, — пытался успокоить он дочь и тут же переключился в горисполком.

Звонок прояснил все: в доме — обыск, а он — уже не депутат, не член горкома и не управляющий. «ОНИ сказали, — вспомнил он фразу дочери, — что ты во всем признался». О том, в чем должен он был признаться, ему также станет известно позже. Пока же он был на свободе. На свободе, но вне общества.

Из дневника исчезнувшего управляющего:

«ОНИ вторглись в мою жизнь, исковеркав ее за день. Лишили чести семью — обыск — это всегда позор. Что скажут соседи, сослуживцы? К следователю не пойду — не верю в его порядочность. Он лжив. Не доверяю его методам, когда все исподтишка. Неужели хотят сначала арестовать, а уж потом выбивать показания?»

Письмо же в Прокуратуру СССР было более сдержанным:

«Извините, что не пришел к Вам. Это вызвано тем, что я позвонил домой, где мне сообщили, что я лишен депутатских полномочий. И все это без меня, без моих объяснений. А это значит, я буду изолирован от общества без доказательств. В Кисловодске я пока не появлюсь, мне стыдно перед семьей, перед горожанами, перед партийными и советскими органами.

Я Вам верю, разберитесь, пожалуйста, повнимательнее...»

«В моей смерти прошу винить...»

Пусть маленькая, но надежда все-таки теплилась в его душе. Но в родной город он так и не поехал — решил дать улечься кривотолкам. Да и ехать не мог — от нервного потрясения слег с сердечным приступом. Месяц провалялся у московской родни, надеясь, что следователь «разберется повнимательнее». А когда поднялся с постели, решил съездить домой, чтобы проститься с семьей и уже с вещами явиться в Прокуратуру.

Но по дороге на одной из станций его уже ждал сюрприз, о котором не мог и предположить. На щите, среди фотороботов разыскиваемых мошенников и убийц, было и его фото. Анфас! Крупным планом!

А на листке, над текстом с его приметамн крупнон шапкон алено: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПРЕСТУПНИК».

Мимо «преступника» спешили по делам прохожие. Но обычные, ничего не значащие для них слова звучали для него приговором, вынесенным без суда и следствия... Без адвокатской речи на суде и последнего слова подсудимого — без всего того, что гарантирует истинное правосудие!..

Его участь, по сути, была предрешена. Слово «преступник» произнесено громогласно, на всю страну! Размноженный миллионным тиражом «приговор» читал весь «город», где он жил и вырос, где знал его каждый. С удивлением читали одни, со злорадством — другие. Опозоренной жене пришлось уволиться с работы и безвыходно сидеть дома — скрывалась от праздных расспросов и насмешек. Сам же отчаявшийся «преступник», не видя иного выхода, писал:

«Дорогие дети, милая Беллочка! Простите за эту слабость, но иного выхода не вижу. Расклеенные листовки уже не перепечатаешь — они везде. ОНИ лишили меня всего, любимой работы, положения, а главное, честного имени, без которого не проживу ни дня. Прокуратуре я не верю — она уже вынесла свой приговор, и я обречен. А если буду доживать век в тюрьме, мұка будет и мне и вам. Помните одно — ваш отец жил честно.

В моей смерти прошу винить Прокуратуру СССР...»

...Спасла случайность. И ему пришлось жить дальше. На вторую попытку уже не хватало духа. Начинаясь вторая жизнь, в которой отнято все. Кроме, пожалуй, свободы.

Жил, где придется. Устраивался работать в сезонные столовые Черноморского побережья. Нужда в специалистах была столь велика, что его личность никого не интересовала. К тому же всех устраивал этот седоватый, немногословный повар, показывавший вершины кулинарного искусства.

В прокуратуру идти не торопился. Явку с повинной не писал — не знал, в чем виниться. И в то же время прекрасно понимал — найдут. В сомнениях прошел год, и разыскиваемый «преступник» взял наконец-то билет до Москвы. Решил явиться сам. Моральный надлом прошел. Он чувствовал силы — силы для борьбы.

«Из дневника: «Еду в Москву, чтобы узнать, в чем же обвиняют. Предъявят обвинение, и я докажу, что все это недоразумение. Сегодня же иду в «сандуны» — смыывать «грехи» и беру курс на прокуратуру...»

«Грехи» он смыл. Но до прокуратуры не дошел — его арестовали прямо в бане. Утро следующего дня он встречал на нарах. Весь день прошел в ожидании предъявления обвинения...

Шпаргалка для зам.министра

Так в чем же обвинялся управляющий? Какую черту Закона преступил? Обвинительное заключение начиналось так:

«Прокуратурой СССР расследовалось уголовное дело по обвинению во взяточничестве бывшего зам.министра торговли Лукьянова П. С. Признавая многочисленные факты получения им денежных взяток от разных лиц, наряду с прочим Лукьянов показал, что несколько взяток получил от управляющего...»

Строки не вызвали сомнения. Шутка ли сказать, подписаны старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР С. М. Грозовым! Причем само заключение получил из его же рук, с напутствием хорошенько его изучить, прежде чем браться за перо. Именно это я и сделал.

Следствие шло классическим путем, начиная с исследования ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, МЕСТА И ВРЕМЕНИ совершения преступления. Три кита, на которых зиждется любое обвинение. И хотя первой опоры не хватало уже изначально («ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ по делу нет»), это не меняло существа дела — если факт имел место, обвинение удержится и на оставшихся двух, которые, полагал я, не менее надежны.

Итак, ВРЕМЯ получения одной из взяток — 2—7 апреля 1975 г. И эта дата не вызвала никаких сомнений. Интересным показалось другое: как спустя более 6 лет, пожилой, страдающий склерозом Лукьянов мог давать такие точные показания. Впрочем, ясность внесли слова самого же Лукьянова, показавшего следствию: «Если мне будут представлены документы по моим командировкам и его командировкам в Москву, я смогу дать точные показания...»

«В дальнейшем, — указывало следствие, — Лукьянов был ознакомлен с сохранившимися документами. В силу этого он смог уточнить даты получения им взяток».

В этом и состоял секрет «феноменальной» памяти Лукьянова.

Выходит, зам.министра обращался за подсказкой. Как не выучивший урок ученик он просил «подбросить» ему шпаргалку. И следствие не заставило себя долго ждать — предоставило так называемую «шахматку», где на графике, как на шахматной доске, стояли точные даты командировок. Выбирай любую.

Ну, допустим, с датами командировок справился бы он и без подсказок следствия. Но что доказывали **сами факты** командировок? — «В то время управляющий был на своем рабочем месте (не болел, в отпуске не был) и, следовательно, — рассуждало следствие, — имел реальную возможность встречаться с Лукьяновым в Пятигорске и Ессентуках». Значит, если был в командировке, «имел реальную возможность встречаться», то и состоялась взятка? Но, следуя грозовской логике, так можно обвинить любого. Мало ли кто с кем мог встречаться в командировках. «Ставить под сомнение достоверность показаний Лукьянова у суда оснований не имеется», — подвел черту суд.

Но почему так охотно принимались на веру доводы следствия и от-
метались аргументы другой стороны? Впрочем, так ли уж откровенен
был в своих показаниях сам изобличитель? И только ли с памятью было
плохо у взяточника?..

На суде, например, последний клялся, что получил 500 рублей в го-
стинице «Россия». И для убедительности «украсил» эпизод такой дета-
лью, как совместное распитие в номере коньяка. Какой же хохот вызва-
ла эта деталь в зале. Все присутствовавшие на суде отлично знали, что
их управляющий не брал в рот спиртного. Это знали все. Кроме Лукья-
нова. Но более всего удивляло другое: в гостинице «Россия», в которой
«распивали» они коньяк, подсудимый просто не проживал. И это доказа-
но документально. Так что с одной ли памятью было плохо у «изобличи-
теля»? И если все это было оговором, то кому он был нужен? Самому
ли Лукьянову, участь которого и без того была решена? Или кому-то
еще?..

Письмо к сыну

Это было письмо-откровение. Уже осужденный Лукьянов, после
всех следственных процедур, писал родному сыну. Писал особо, как на
духу, исповедуясь. Видно, хотел, чтобы сын знал ВСЮ правду об отце.
Были в послании и такие строки.

«...Я свое получил и теперь мне уже возмездие дано. Единственно
сожалею о том, что пострадал невинный человек... Ты же знаешь, в мо-
мент ареста я был очень болен и чувствовал себя крайне скверно. От
следствия мне тогда стало известно, что ессентукский управляющий дал
показания, что он затратил на меня 3—4 тысячи. Я это отрицал и просил
дать мне очную ставку с ним. Ведь если он это показал, пусть это же
повторит на очной ставке, изобличит меня...

(Но ни «показать», ни тем более «изобличить» «он» не мог, так как
был во всеоюзном розыске.— М. К.)

Сначала следствие молчало, в вину мне его не ставили, о нем не бы-
ло никакого разговора, все вроде бы отпало. А уже при предъявлении
обвинительного заключения сказали, будем вменять Вам в вину и те
3—4 тысячи рублей, якобы полученных от него. Я возразил: ведь если
он не давал, то я тем более не мог брать, вынуждать, принимать от него.
ОНИ записали те случаи, когда я был в командировках и когда он был
в Москве... Сделали «шахматку». Потом я просил те надуманные эпизо-
ды исключить. Мне отказали. Я был болен и подписал все. Так я огово-
рил его, но не помню где, когда и было ли это вообще. На суде я сказал
в последнем слове, что не было.

Уже суд, видя нелепость обвинения и отсутствие протокола допро-
са (показаний подозреваемого), видя, что я не был в Ессентуках в тот
год, когда якобы получил 1000 рублей, снял этот эпизод из обвинения.
Но, несмотря на то, что я все отрицал, суд оставил 2500 рублей. Следст-

вию хотелось, чтобы у меня было больше подношений, больше сумма.
Учреждение ОД—1/4, г. Вязники
12.01.1985 г.»

Так вот, оказывается, почему так путался в своих показаниях Лукьянов-старший, а за недоумевающим управляющим начала охотиться милиция...

Искатели сокровищ

Но почему-то именно его избрало следствие. Может, сработал издавна сложившийся стереотип: если из общепита, значит, нечист на руку. Не в силу ли этого стереотипа с миноискателями перерывали они его квартиру? Ведь ни на минуту не брало сомнение, что не найдут пудовых кубышек с миллионами, когда втайне от хозяина вторглись в его жилище...

— Оружие, драгоценности предлагаем сдать добровольно!.. — заявили искатели сокровищ, уверенные, что застигнутая врасплах жена не успела перепрятать наворованного.

Искали весь день. Перелистали все собрания сочинений, но, кроме закладок, так ничего и не нашли. Перевернули весь дом. Миноискателями «прощупали» подвал, сад. Пусто. Поиски клада были тщетными. Но и отступать было некуда — в адресованном исполкому письме, подписанном зам.Генерального прокурора О. Сорокой, приговором прозвучали слова: «Дал зам.министра взятку на сумму 4000 рублей». От слов своих никто отступаться не собирался. Но и пустыми покидать общаренный дом, видимо, не хотелось. И искатели сокровищ принимают неожиданное решение: паковать и выносить нажитый десятилетиями скарб как конфискованный. Еще не было законного решения суда о том, каким путем нажито имущество и что относится к наследству. Тем не менее кладоискатели, опережая события, увлеченно паковали вещи, подарки. Унести старались побольше, дабы образовалась сумма конфискованного покрупнее. Прихватили даже вилку для лимона (3 руб. 80 коп.), щипчики д/с (7 руб.). Уволокли и столик из-под телефона и многое необходимое в быту.

Или запаматовали «упаковщики» статью 175 УПК, согласно которой «арест не может быть наложен на предметы, необходимые для самого обвиняемого и лиц, находящихся на его иждивении»? Но, увлекшись, арестовали даже коллекцию вин. А для внушительности суммы изъятото утроили стоимость дома (построенного, кстати, еще в 1970 году, когда хозяин не был управляющим). Увеличивали и общую сумму изделий. В список включили и суммы, относящиеся к наследству. Короче, делали видимость, что жил не по средствам.

Но, как ни старалось следствие утраивать суммы, не могло не понимать оно, что и упакованного имущества, и шатких показаний зам.министра крайне мало для суда. Необходим был еще один «свидетель» пре-

ступной деятельности управляющего. И таковой нашелся — им был заключенный Дроздов.

(Из досье Прокуратуры СССР: «Дроздов Б. Г., 1939 года рождения, образование высшее, не судимый, работая зам.начальника Главкурорт-торга, получал взятки...)

О лучшей кандидатуре не приходилось и мечтать.

Мат «гроссмейстеру» Сашину

От всех прочих кандидатур эта отличалась и тем, что находилась в стенах СИЗО. Я не буду распространяться о том, что такое СИЗО и КАКИЕ камеры в них бывают. Об одной из таких рассказывалось в моем судебном очерке «Камера № 19» («Огонек» № 23, 1989 г.). Это была камера пыток, в которой «добровольную» явку с повинной можно было получить от любого...

Дроздов пребывал в камере № 144. В тесном соседстве с убийцами и рецидивистами. В этой-то ситуации и застал его следователь Сашин, явившись к нему с той же «шахматкой».

Речь, конечно же, зашла об управляющем, который, по словам следователя, будто бы заявил о взятках Дроздову. Требовалось не так уж много — признаться в «содеянном». Тем более что его, дроздовская, участь уже решена, и за другие преступления наказание неизбежно. За сговорчивость ожидало вознаграждение — уменьшение срока наказания.

Предложение пришлось по душе. Тем более появилась реальная возможность поскорее выбраться из СИЗО в колонию. И он начал «колоться» — давать показания. Обрадованный Сашин едва поспевал записывать. А, записывая, и не подозревал, что в этой «игре» в «шахматку» ему уже был сделан «шах».

Записал все. И эпизод, когда в олимпийской Москве 1980 года Дроздов получил в своем кабинете 500 рублей. Занес в протокол и случай, когда в Москве 1982 года на дворе стоял снежный февраль, а взятокодатель преподнес ему 500 рублей. Записал и эпизод получения 400 рублей в майской столице 1981 года от тов. Лобжанидзе, приехавшего из солнечных Эссентуков.

И был суд, на котором он повторил сказанное ранее. И сдержал свое слово Сашин — осужденный получил минимальный срок — 8 лет за свои 8100 рублей взятки. (Отрицавший же все неговорчивый А. Чуфрин, сидевший с ним на одной скамье, за 5000 получил все 10 лет. — М. К.) Итак, довольные остались все. Но вот задерживают в московских «сандунах» управляющего. И дело принимает иной оборот.

Проводят следствие. Идет суд, где и выясняется, что, когда в столице был снежный февраль и взятокодатель в Москве «вручал» Дроздову взятку, сам Дроздов любовался красотами Каспия. Прояснилось тогда и что за «тов. Лобжанидзе» приезжал в Минторг — это был его брат, который иногда тоже ездил в командировки в тот же Минторг, где также

отмечался в журнале. (Увлечшийся показаниями Дроздова, следователь даже не уточнил инициалы Лобжанидзе Б. П.) Так что же произошло? Откуда ляпы в протоколах? Это и объяснил суду сам Дроздов:

«Анализируя создавшуюся обстановку, я пришел к выводу, что единственной возможностью сохранить здоровье, не подвергаться физическому воздействию со стороны специально подобранных «сокамерников», а также вырваться из СИЗО и получить наименьший срок, поможет только вынужденный самооговор...»

То есть Дроздов знал, что управляющий в розыске и упоенно глал в расчете на то, что не станет перепроверять документы. Так оно и вышло. Следствие довольствовалось одними показаниями. Но думал ли Дроздов, облегчающий свою участь, о судьбе «взяткодателя»? Ведь участь последнего после ареста усугублялась бы вдвойне. Оказывается, думал:

«Дав эти придуманные показания, — пояснял он уже суду, — я думал, что в дальнейшем, путем допроса лиц, сопоставления дат и проведения очных ставок выявится **вся абсурдность** вымышленных мною эпизодов «получения» взяток...»

Получалось, Дроздов одновременно давал судье хороший шанс продемонстрировать свою умудренность в период судебного расследования. Ничего не подозревавшего судью ждала в деле подложенная «мина» замедленного действия...

Но шанс так и не был использован — судья Егоров по старинке простамповал обвинение, заметив при этом, что «показания осужденного Дроздова последовательны и объективны».

Я внимательно читал дело и не мог понять одного — как не увидел судья абсурдности обвинения? Если бы даже и давались взятки, то за что? В приговоре указано, что «за содействие в работе, увеличение ассигнований на строительство, улучшение снабжения...» Но этого не было — в деле-то я не нашел **ни единого** доказательства.

Что же в таком случае ослепило судью, если не видел «всей абсурдности» обвинения? Может, сформировавшийся в наших умах образ человека из общепита, которого привыкли мы видеть пристрасно изображенным в карикатурах — с извечно переполненными авоськами. Или нет среди них честных, порядочных людей? Если из общепита, значит, вор? Но стереотипы ли должны править судьбами? А если правят, обречен человек, попавший на скамью, решена его участь...

Но до чего же велика подчас сила стереотипа. Под его влияние попал, признаться, и я, когда в приговоре прочитал:

«Допустил злоупотребление служебным положением, повлекшее за собой тяжкие последствия, выразившиеся в нанесении значительного материального ущерба — организовал со складов продажу дефицитных товаров...» Впечатляла и сумма проданного, видимо, взятая следствием не с потолка: 105 057 руб. ...

Значит, не подвел стереотип — переступил черту Закона. Но в чем? На этот вопрос и ответил я более конкретно, когда побывал на месте

совершения преступления, в южных городах Ессентуки, Кисловодск. Там-то и узнал об обстоятельствах, которые странным образом остались за полями дела...

Грех «Палыча»

...Разодетыми толпами отдыхающих пестрил курортный городок. Я шел по его улицам, то тут, то там встречая на пути здания необычной архитектуры. Это и были те самые места, где совершалось упомянутое в приговоре преступление. Непривычными для взора современника выступали «крепостные» стены ресторана «Застава», выделялся из серого городского фона выстроенный в олимпийский год ресторан «Олимпия»...

Но ничего этого ранее не было. Стояли наводящие тоску здания-близнецы. Этой архитектурной серости и решил он дать бой, позвав в союзники талантливого архитектора Г. С. Хичинашвили. Фантастические проекты замыслили они на бумаге. Оставалось вдохнуть в них жизнь. Но кому строить? Трестовское СМУ — маломощно. А черепашьи темпы его не устраивали. Другого СМУ не было. Силы оставались те же. И он их утроил — поговорил по душам со строителями. Показал чудо-проекты. Кого зажег мечтой, кого просто уговорил. И парни в стройшлемах начали работать. За троих! За пятерых! А с ними и он — управляющий трестом — для них просто «Палыч», пропадающий на площадках до полуночи. Но все же понимал: личный пример — не так уж и много. Он-то работал за мечту. А они? Надолго ли хватит? И, помимо прибавки к зарплате, ввел стимул — дал «добро» на продажу строителям дефицитных продтоваров, без наценки. Люди ценили заботу и работали пуще прежнего. По существу, на деле осуществлялся важный принцип уже сегодняшних дней: «каждому по труду». Так и должно быть. К этому и необходимо стремиться. Росли жилые дома, причудливые здания, а с ними и та внушительная сумма из приговора.

В поисках криминала следствие добровольно перерыло все бухгалтерское «хозяйство» треста. И не обнаружив ничего, узрело криминал в этом, насчитав эфемерных сумм. Хотя не хуже следователей знал управляющий о том запрещающем приказе Минторга, согласно которому торговать такими продуктами можно не со склада, а «только в специально отведенных магазинах».

Но что было делать закованному в кандалы инструкций, если они лишь для избранных мира сего. Кого винить, если система торговли не стремится обеспечивать товарами с учетом принципа «каждому по труду» и социальной справедливости? Разве строители или бастовавшие шахтеры виноваты в том, что пустые прилавки одни и ломаются от пайков другие? Не по этим ли причинам с протянутой рукой шли к управляющему ветераны, инвалиды войны. Он, конечно же, мог прикрыться тем же удобным приказом и отказать... Но не хватало духа. Шли посу-

домойки, повара, маляры треста. Но обращались в редких случаях — продукты просили на похороны, поминки, проводы. Обращались при подобных обстоятельствах и родственники.

Отказать не мог никому. Хотя допрошены были лишь родственники. Следствие пыталось придать действиям Палыча корыстный фон — мол, гроб под себя, «злоупотреблял, преследуя личные интересы». Поэтому и не пустил на порог строителей следователь, не допросил на этот счет ни одного ветерана, инвалида. И это естественно — протоколы допросов таких свидетелей создали бы положительный фон «преступнику». Не получилось бы преступника в идеальном смысле слова. Ни одного из них не допросил и суд, отмеривший Палычу 9 лет лишения свободы. Так наказуемым стало добро. И торжествующим зло:

на повышение пошел судья Егоров — ныне он председатель того же, Гагаринского, суда столицы; в юридический кооператив подался следователь Сашин. Он теперь ярый поборник справедливости — оказывает юридическую помощь населению. Стоит, так сказать, на страже законности...

Как победить Царицу?

Вопрос вопросов нашего правосудия, ответ на который пока, увы, не найден. Явным остается одно — верх и на этот раз одержала она — Царица доказательств Признание. Одержала начисто, как и в те былые, тридцать седьмые, времена.

Приговор по Палычу — продукт застойных лет. Хотя далеко не застойными были они. Напротив — в высшей степени активными. Активными в травле всего того, что посягало на ИХ покой. На тех же, кто не вписывался в удобный шаблон, воздействовали «общественно». А не помогало — высылали в Горький, помещали в тюремные камеры типа 19-й.

В одной из таких скончался «инакомыслящий» директор совхоза И. Худенко, в другой — эстонский, всемирно известный ученый И. Хинт, в третьей... Это были годы безнаказанности тех, кто и сейчас вершит правосудие, расследует чьи-то дела прежними методами. И сегодня нет уверенности в том, что об этих «чужих-то» делах наши потомки не будут вспоминать как о делах Хинта, Худенко и им подобных.

Как никогда нужны нам сейчас те светлые головы и золотые руки, начавшие перестройку еще тогда. И их трагедия в том, что именно сегодня бездействуют они. И не потому, что обуюла лень. Нет. Просто одних не пускает решетка, других прошлые «грехи». К последним относится Палыч...

Почему не взлетела «Чайка»...

И я не взялся бы за написание очерка, если бы не то, что довелось видеть мне — созданное Палычем приходило в упадок. Кафе опустелись

до уровня забегаловок, а столовые превратились в «казармы». В одной из столовых произошло отравление 22 человек. Засаленные стены залов, бедный ассортимент блюд, вонь из туалетов, грязь на кухнях — это все, что увидел я. Хозяйство нуждалось в Хозяине. А хозяин сидит и практически бездействует — не пускают прошлые «грехи».

Среди всего запустения ко мне подходили десятки людей: посудомойки, рабочие, зав.столовыми, строители. Ведь именно по их письмам приехал я в эти два города.

— Помогите вернуть Палыча, — говорили они, наивно полагаясь на могущество журналистского пера.

Я слушал откровенные их речи, а в памяти крутилась та фраза из приговора — об ущербе. Не знаю, где сейчас трудится тот эксперт, который подсчитывал «ущерб». Но где найти бухгалтера, способного вычислить ущерб реальный, нанесенный следствием, так бесцеремонно вторгшимся в жизнь треста?

Накануне того утра, когда следователь Сашин поступался в его жизнь, управляющий как раз «выбил» фонды на строительство крупнейшего в Европе трехэтажного ресторана «Чайка». Реальная прибыль от него составила бы около миллиона рублей в год. Уже сломали старое здание. Оставалось осуществить проект, который мне довелось видеть. Это была вершина градостроительства, взлет архитектуры!

Но, крадучись, явился следствие. И «взлет» не состоялся — не хватило надежного «штурмана». Вместо же «Чайки» построили кооперативный туалет. Вход — 2 копейки! Постройка эта, красуясь прибранным своим фасадом, и по сей день стоит в центре города. Стоит памятником, напоминающим кислородчанам о бригаде залетных следователей из далекой столицы...

Не берусь судить, «взлетит» ли «Чайка» и вернется ли доброе имя ее создателю. Уверен в одном: невероятно трудно подчас, забыв о чести мундира, признавать ошибки прошлого. Но делать это крайне необходимо и именно сегодня. Для нашего же завтра, которое мечтаем увидеть правовым. Чтобы святой алтарь правосудия не оставался плахой для невиновных...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Очерк вызвал массу читательских откликов. Молчало, пожалуй, одно лишь следствие, причастное к уголовному делу, — ни звонка, ни строчки в ответ. Хотя мнение следователя Громова интересовало меня больше всего. Я, естественно, не ожидал покаяния в содеянном и т. п. Отнюдь. Не будучи столь наивным, я просто хотел знать мнение юриста и человека, которого неоднократно упоминал в своей публикации.

В те дни я прекрасно понимал, чем в итоге был для тех следователей мой очерк: егоровский приговор, в котором практически продубли-

ровано громовское обвинительное заключение, мог «рухнуть». А в случае протеста Палыч, к великому неудовольствию Громова, Сашина, был бы реабилитирован. Иными словами, выявилась бы их, мягко говоря, недобросовестность. В подобных ситуациях некоторые следователи нередко предпринимали самые срочные меры во спасение незаконнорожденного приговора. Одна из таких мер — поход в редакцию, дабы через печать воздействовать на общественность, судей, пересматривающих уголовное дело.

«Рано радуетесь... — услышал я как-то в телефонной трубке, — теперь ждите публикации, которая все расставит по местам... Посмотрим, кто кого...» Я не придавал словам анонима никакого значения. До тех, правда, пор, пока случайно не увидел того самого следователя Громова, который входил в подъезд одной из центральных газет. Это было 19 октября. А 20-го в той же газете вдруг выходит статья «Защита... с пристрастием», обещая следствие. И стоило выйти той статье, как новый шквал телеграмм, писем, звонков обрушился на редакцию. Читатель «метался» между двух публикаций, не зная, кому на этот раз верить. Пришлось вынужденно взяться за перо. В результате и появился

Беспристрастный комментарий к «защите... с пристрастием».

В судебном очерке «Без суда и следствия» рассказывалось о трагической судьбе передового управляющего трестом общепита Николае Павловиче Лобжанидзе, репрессированном в 1983 году судебно-следственными органами. Откликнулись на публикацию и читатели, хорошо знавшие Николая Павловича по работе. Телеграфировали целые коллективы общепита Ессентуков, Кисловодска: «О том, что наш Палыч честен, знали только мы — теперь знает вся страна тчк коллектив Ессентукского треста». «Ждали этого момента 6 лет, писали всюду тчк «Огонек» первый кто откликнулся на нашу беду тчк Коллектив Кисловодского треста»...

Телеграмм — ворох, и он продолжает расти. Незаконнорожденное уголовное дело истребовал Верховный суд РСФСР для изучения, а Председатель Верховного суда республики Вячеслав Михайлович Лебедев заверил редакцию, что примет решение в соответствии с Законом. Дело спокойно изучалось специалистами, как вдруг в одной из центральных газет неожиданно появляется статья В. Локтева «Защита с пристрастием», где, опережая решение суда республики, автор критикует позицию «Огонька».

Я не буду цитировать эмоциональные строки телеграмм, возмущенных «клеветнической статьей». Лучше последую мудрому совету автора: «с предельным тактом, опираясь на документы, не искажая фактов», попробую докопаться до истины.

«На мой взгляд, — пишет он, — М. Корчагин пренебрег этим элементарным даже с точки зрения журналистской этики правилом». Исхо-

дя из совета, давайте посмотрим, как с упомянутым правилом обстоят дела у самого советчика, написавшего заметку исключительно, как он выразился, «ради истины». В поисках истины автор и увлекся описанной мною сценой обыска.

«По М. Корчагину,— подытоживает он,— обыск не дал результатов. Поразительный вывод!.. Бытовую мелочь — щипчики, вилку узрел, а «слона» не заметил». Хотя этого самого «слона» я как раз-таки и приметил. А приметив, естественно, повел бы о нем речь, если бы не одно обстоятельство...

Дело в том, что, выводя на чистую воду «Палыча», Локтев буквально поражает доверчивого читателя суммами, о которых якобы намеренно умолчал я. А цифры действительно впечатляли. Чего, например, стоила цена самого дома: «70736 руб.». На скромные трудовые выстроить лиэтакое, рассудит читатель. И я в чем-то согласился все с ним, если бы не один документ — заверенная печатью справка № 626, выданная Кисловским бюро инвентаризации, где черным по белому написано:

«Стоимость домовладения в ценах 1976 года — 11430 рублей».

Иными словами, на момент новоселья (год 1970-й, когда хозяин даже не был управляющим.— М. К.) при низких ценах на стройматериалы дом стоил 11430 руб. Любитель же «истины» В. Локтев употребляет цены 1983 года — дабы создавалась видимость, что жил не по средствам. И это без учета того, что отцовский дом был продан перед строительством за 19000.

Впрочем, «гвоздем» статьи была другая, повергшая читателя в шок, цифра: «104857 руб.». Имеется в виду общая сумма «изделий из драгоценных металлов и драгоценных камней». Столь солидная сумма смущала, признаться, и меня самого. Но до тех самых пор, пока не обнаружил в уголовном деле № 18/58122—83 протокол обыска, из которого-то и понял, на каких «дрожжах» рос «локтевский» «слон». Механизм лжи столь же прост, что и в случае с «крамольным» домом: берется, к примеру, набор серебряных креманок (6 шт.), стоявший в год покупки (а он был указан на ценнике — 1966-й — М. К.) 200 рублей и оценивается по ценам 1983 года. В итоге появляется солидная сумма — 2380 руб. То же самое проделывают и с подаренным на новоселье серебряным набором из 6 ложек (85 руб.), оценивая его в 859 руб.; свадебному же подарку «ситечко для чая» (18 руб.) намеренно ставят цену 181 рубль. Так же обошлись и со старинными фамильными драгоценностями, подарками с конкретной гравировкой на них же. Приписали даже суммы страхования на детей. Именно таким образом оценивали все вещи, не обращая никакого внимания ни на имевшиеся в наличии ценники, ни на годы, когда покупались или дарились вещи. Так и зародилась та астрономическая сумма «104857 рублей», столь поразившая несведущего читателя. На самом же деле, если собрать всеедино реальные цены на все вещи, то, включая наследство, приданое жены, бытовое серебро и именные подарки, сумма составит 22.220 рублей. Но даже если складывать все сум-

мы с учетом цен на драгоценные металлы в 1983 году, то и тогда не получается столь астрономическая сумма: «104857» рублей. А ведь и наследство, и бытовое серебро, и именные подарки включать в эту сумму не имели права.

Впрочем, до закона ли было следствию, которое из кожи лезло вон, лишь бы выставить управляющего хапугой — сформировать у судьи внутреннее убеждение не в пользу подсудимого. Ведь прекрасно знало оно о той шумевшей грузинской свадьбе 1959 года, на которой грузинская родня одними только деньгами собрала для молодых 22500 рублей. Таков уж кавказский обычай. Но и это не учло следствие, как, впрочем, и то, что отец Лобжанидзе приехал из Средней Азии с большим заработанным капиталом и имел собственное подворье, являясь заведующим производством, а не «простым поваром», как пишет В. Локтев.

И в чем только не искал он компромат, дабы выставить героя очерка в невыгодном свете, явно перестаравшись в своих потугах. К нереальным суммам приплюсовывает он и «нажитый десятилетиями скарб». Бесцеремонно копаясь в последнем, не обошел он своим вниманием и «большое количество фототехники» (это два-то фотоаппарата?) и «3 холодильника» (два из них сломанных и приготовленных на выброс), и 2 телевизора (один не работал), и «видео», которого в семье не было и в помине. Негодует автор и по поводу «мебельных гарнитуров», без которых, по-моему, не живет сегодня ни одна советская семья.

Иными словами, «слон», которого «не заметил» я, оказался раздутым из «мухи». Прекрасно представляю себе, в каком неловком положении оказался бы «Огонек», опубликовав «липу», чем ввел бы в заблуждение **своего** многомиллионного читателя. Именно это и сделал любитель «истины» В. Локтев, затуманив головы своих читателей, число которых, к сожалению, катастрофически падает как раз в результате подобных публикаций газеты.

Я не буду далее утомлять читателя точными цифрами. Не буду я опровергать и другие, не менее внушительные суммы с фактами, умело преподнесенными доверчивому читателю, — на это уйдет слишком много журнальной площади. Напомню лучше о тех вдохновенных локтевских строках про «журналистскую этику» и «элементарном правиле», которым пренебрег ваш покорный слуга, «искажая факты и суть дела». Если в данном случае автор имеет в виду «дело» уголовное, то, прежде чем браться за перо, именно его-то я и изучил. Все двадцать два тома! Несколько тысяч листов! Чем же руководствовался автор? Судя по статье, одним обвинительным заключением (79 листов), которое-то и продублировано в газете.

Но этично ли сегодня, когда на дворе не 30-е годы, а конец 80-х, уподобляясь следователю, придерживаться обвинительного уклона? Этично ли писать о человеке с искаженной судьбой, даже не встретившись с ним (я уж не говорю о себе). Беседовал ли он с теми 117 свидетелями? Уверен, что нет. Зато с ними подробно беседо-

вал я в городах: Ставрополе, Кисловодске, Ессентуках, Владимире, Пятигорске, Минводах, Москве. И этичным ли считается выслушивать лишь одну сторону — сторону обвинения? Ведь выслушав другую, уверяю, не ошибся бы он. А что стоило ему посетить хотя бы тот же Кисловодск? Тогда бы лично, а не со слов следователя убедился, что по адресу: «Ольховская, 34» стоит не сказочный «двухэтажный каменный особняк площадью 190,8 м², а обычный полуторазэтажный кирпичный дом жилой площадью 68 м². Такой дом на Кавказе явление далеко не редкое.

— Так кто же нарушает журналистскую этику?.. — спросил я В. Локтева, встретившись с ним, дабы не нарушать этику, за которую он так ратует. Затянувшейся была та пауза после заданного в лоб вопроса, а ответ столь распылчат, что лучше не буду его цитировать.

Лучше специально для того же Локтева процитирую взятые из обвинительного приговора строки, которые самым странным образом «не заметил» он, хотя, по его же утверждениям, «ознакомился и с документами судебного разбирательства»: «Лобжанидзе многое сделал для развития системы общественного питания в городах-курортах Ессентуки и Кисловодск, принимал меры к поддержанию высокого уровня обслуживания руководимыми им предприятиями жителей и гостей этих городов»...

Лучшей характеристики и не придумаешь. Впрочем, не менее лестный и объективный отзыв дала в свое время эта же газета в статье «Арифметика гостеприимства», полностью посвященной «потомственному повару, специалисту высокого класса Николаю Павловичу Лобжанидзе», возглавившему Ессентукский трест общепита:

«На новом месте Лобжанидзе начал с решительного запрета «вразнос»... приказал снести «питейные» павильончики. Облегченно вздохнули сотрудники милиции — меньше стало в городе пьяных, обрадовались работники санэпидстанции: ликвидированы очаги антисанитарии... Резко улучшились в Ессентуках качество и ассортимент продукции рабочих столовых и буфетов в школах... В небольшой курортный город сегодня приезжают за опытом из Сибири и с Украины, из Заполярья и Средней Азии...»

Чего стоило, например, коллеге в поисках той же «истины» не идти по дорожке, проторенной следствием, а заглянуть в само дело. Вряд ли написал бы тогда коллега, что, злоупотребляя служебным положением, «Палыч» «нарушил правила торговли» и «организовал торговлю дефицитными продуктами со складов треста». В 22-м томе на листе дела № 32, к своему удивлению, обнаружил бы он решение горсовета № 404, согласно которому тресту была разрешена «реализация продовольственных товаров в т. ч. деликатесов со склада треста, по заявкам инвалидов и участников ВОВ, новобранных, профсоюзных организаций, ведущих строительство особо важных объектов, без ущерба снабжения предприятий общественного питания». Согласно этому-то решению без

ущерба и проводилась торговля. О «корысти» управляющего здесь не могло быть и речи. И не только об этом узнал бы коллега, сойди он с той удобной тропинки, указанной ему следователями Громовым и Сашиним, о профессиональной этике того же следователя Сашина, который незаконными методами, с помощью обмана получил от старшего брата Николая Павловича крайне нужные для следствия лжепоказания. И совершенно в ином свете предстало бы перед ним как обвинительное, полное лжи, заключение, так и сам его составитель — С. М. Громов, когда прочитал бы подписанное следователем письмо, в результате которого пришлось уволиться с работы жене подследственного. В итоге пострадала из-за отца и дочь, незаконно исключенная из мединститута.

А побеседуй коллега хотя бы со мной, то узнал бы, пожалуй, о самом главном — причине возбуждения липового уголовного дела по Н. П. Лобжанидзе, работавшем с 1974 по 83-й год в Ставропольском крае. Локтеву непременно была бы представлена запись беседы со следователем, недвусмысленно заявившим следующее: «Лобжанидзе нам нужен не был. Нам он был нужен только для того, чтобы иметь показания о даче взяток и И. И. Сезину (директор спецбазы № 208, обслуживающей секретарей ЦК КПСС и членов правительства.— М. К.). Если бы он дал такие показания, то мы бы арестовали Сезина... А дальше...»

Хотя далеко не одно такое свидетельство хранится в моем редакционном сейфе. Все это свидетельства обвинительного уклона следствия, которое не прочь бы завести дело на пустом месте — лишь бы шуму побольше да дело погромче.

Следователи, за которых так ратует автор, — следователи старого типа, из тех времен, когда обвинительные заключения без оглядки переписывались в приговор. Именно тогда мы и мечтать не могли о правовом государстве, строящемся сегодня. И пусть некоторые из них покидают сегодня кабинеты прокуратур (в юридический кооператив ушел Сашин, на пенсию готовится Громов), остаются тома их незаконнорожденных уголовных дел, некогда легших в фундамент судебной системы, на котором невозможно строительство истинно правового государства. Просто немыслимо.

СОДЕРЖАНИЕ

Кандидат в подсудимые	3
Акция	13
Без суда и следствия	30

КОРЧАГИН Михаил Борисович

ОБЖАЛОВАНИЮ

НЕ

ПОДЛЕЖИТ...

Редактор А. Ю. Чернов.

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова.

Сдано в набор 27.02.90. Подписано к печати 26.04.90. А 00280.
Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отг. 2,28. Уч.-изд. л. 3,19
Тираж 150 000 экз. Зак. № 1975. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● **ВНИМАНИЮ КИНОЛЮБИТЕЛЕЙ!**

Вы хотите снимать кино? Прекрасно...

Но что же делать с пленкой после того,
как фильм снят? Конечно же, проявлять.

Не отчаивайтесь!

Этот сложный процесс, не всегда
осуществимый в домашних условиях,
сделают за Вас в зональных
лабораториях бытового обслуживания.

Там проявляют черно-белую и цветную,
8 и 16-мм кинопленку.

Заказы можно оформить по почте,
с оплатой наложенным платежом.

Творческих успехов Вам!

«Бытреклама»